

РОЙ МЕДВЕДЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ
Л. БРЕЖНЕВ Ю. АНДРОПОВ

Рой Медведев

**Политические портреты. Леонид
Брежнев, Юрий Андропов**

«WebKniga»

2015

Медведев Р. А.

Политические портреты. Леонид Брежнев, Юрий Андропов /
Р. А. Медведев — «WebKniga», 2015

В настоящем томе под одной обложкой публикуются две книги историка Роя Медведева. Одна – политическая биография Л. И. Брежнева – написана в 1988–1990 гг. и опубликована в СССР в 1991 г. Вторая – политическая биография Ю. В. Андропова – написана в 1993–1998 гг., опубликована в России в 1999 г. Презентация этой книги прошла в июне 1999 г. на расширенной коллегии ФСБ под председательством В. В. Путина. В России книга об Андропове издавалась шесть раз. Она переведена и издана в Китае. В книгах Р. А. Медведева мы видим не только политические биографии двух видных деятелей СССР, но и отражение истории Советского Союза в 50–80-е годы.

© Медведев Р. А., 2015

© WebKniga, 2015

Содержание

Личность и эпоха:	6
Предисловие	6
Глава 1	13
Молодой Л. И. Брежнев	13
Во втором эшелоне. Л. И. Брежнев в годы Отечественной войны	18
Л. И. Брежнев на Украине и в Молдавии. 1946–1952 годы	28
«Поднятая целина». Л. И. Брежнев и Н. С. Хрущев в 1954–1964 годах	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рой Медведев

Политические портреты. Леонид Брежнев, Юрий Андропов

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© Рой Медведев, 2015

© Валерий Калныныш, оформление и макет, 2015

© «Время», 2015

* * *

Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева

Предисловие

В. И. Ленин говорил, что настоящие политические деятели не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Политика, впрочем, мало чем отличается в этом отношении от любой области человеческой деятельности. Есть много людей, которые остаются нашими современниками, хотя они умерли десятки и сотни лет тому назад. Эти люди продолжают свою жизнь не только в учебниках истории, но и в современной политике и культуре, оказывая и сегодня влияние на взгляды, чувства и поведение отдельных групп, партий, наций, а иногда и всего человечества, хотя это влияние не всегда бывает благотворным. Но есть еще больше политиков или деятелей культуры, влияние которых не переходит за границы их земной жизни. Они могут сойти с политической сцены и потерять значение для своей страны или партии даже при жизни. Это и есть то, что принято называть политической смертью. Она, как считал Тито, может оказаться для политика более страшной, чем физическая смерть. Именно эту участь уготовила судьба для Л. И. Брежнева. В силу стечения многих обстоятельств он занимал почти двадцать лет очень важный политический и государственный пост и играл немалую роль в международной политике и в жизни страны. Он заслужил несколько строк или даже несколько страниц в учебниках истории, но был личностью столь посредственной и политиком столь заурядным, что ему было бы трудно рассчитывать на слишком долгую политическую жизнь. И действительно, Брежнев быстро сошел с политической сцены не только в прямом, но и в переносном смысле.

Еще в 50-летнем и даже 60-летнем возрасте Леонид Ильич жил, не слишком заботясь о своем здоровье. Он не отказывался от удовольствий, которые может дать жизнь, но которые далеко не всегда способствуют долголетию.

Первые серьезные проблемы со здоровьем появились у Брежнева, видимо, в 1969–1970 годах. Около него стали постоянно дежурить врачи, и в местах, где он жил, были оборудованы медицинские кабинеты. В начале 1976 года Брежнев находился в состоянии клинической смерти. Однако его удалось вернуть к жизни, хотя в течение двух месяцев он не мог работать, ибо его мышление и речь были нарушены. С тех пор рядом с Брежневым постоянно находилась группа врачей-реаниматоров с необходимым оборудованием. Хотя состояние здоровья наших лидеров относится к числу тщательно охраняемых государственных тайн, прогрессирующая немощ Леонида Ильича была очевидна для всех, кто мог видеть его на экранах телевизоров. Американский журналист Симон Хэд писал: «Каждый раз, когда эта тучная фигура отваживается выйти за кремлевские стены, внешний мир внимательно ищет симптомы разрушающегося здоровья. Со смертью М. Суслова, другого столпа советского режима, это жуткое пристальное внимание может только усиливаться. Во время встреч с Гельмутом Шмидтом в ноябре 1981 года Брежнев едва не падал при ходьбе и временами выглядел так, как будто не сможет протянуть и дня»¹.

В сущности, он медленно умирал на глазах всего мира. В последние шесть лет жизни у него было несколько инфарктов и инсультов, и врачи-реаниматоры несколько раз выводили его из клинической смерти. В последний раз это произошло в апреле 1982 года после несчастного случая в Ташкенте.

¹ New York Review. 1982. 4 марта.

Разумеется, болезненное состояние Брежнева стало отражаться и на его способности управлять страной. Он был вынужден часто прерывать выполнение своих обязанностей или перекладывать их на непрерывно растущий штат личных помощников. Рабочий день Брежнева значительно сократился. Он стал выезжать в отпуск не только летом, но и весной. И постепенно перестал разбираться в том, что происходит вокруг. Однако множество влиятельных, глубоко разложившихся, погрязших в коррупции людей из его окружения были заинтересованы в том, чтобы Брежнев время от времени появлялся на людях хотя бы как формальный глава государства. Они буквально водили его под руки и достигли худшего: старость, немощь и болезни советского лидера стали предметом не столько сочувствия и жалости его сограждан, сколько раздражения и насмешек, которые высказывались все более открыто.

Еще 7 ноября 1982 года во время парада и демонстрации Брежнев несколько часов стоял, несмотря на плохую погоду, на трибуне Мавзолея, и иностранные газеты писали, что он выглядел даже лучше обычного. Конец наступил, однако, всего через три дня. Утром во время завтрака Леонид Ильич вышел в свой кабинет что-то взять и долго не возвращался. Обеспокоенная жена пошла из столовой за ним и увидела его лежащим на ковре возле письменного стола. Усилия врачей на этот раз не принесли успеха, и через четыре часа после того, как сердце Брежнева остановилось, они объявили о его кончине. На следующий день, 11 ноября, ЦК КПСС и Советское правительство официально оповестили мир о смерти Л. И. Брежнева.

За те годы, в течение которых Брежнев стоял во главе КПСС и Советского государства, в Соединенных Штатах сменилось пять президентов. Один из них, Ричард Никсон, встречавшийся с советским лидером чаще других, писал в своей книге «Лидеры», что Брежнев, по его мнению, был человеком властным, честолюбивым и беспощадным, который при «иных режимах» мог бы претендовать на титул «Леонида Великого» – по аналогии с царями Иваном IV и Петром I. Но эта оценка ошибочна. Леонид Ильич Брежнев не был великим политическим лидером, и его трудно вообще назвать лидером в наиболее точном смысле этого слова. Ни в молодые, ни в зрелые годы у Брежнева не было какой-либо ясной политической цели, достижению которой он хотел бы посвятить свою жизнь. Он почти всегда следовал за другими, принимая их цели, их идеи и их руководство. Он был человеком второго или даже третьего плана и не стремился к выдвижению на первые роли, а тем более к неограниченной власти. Он был тщеславен, но не особенно честолюбив. Брежнев не пробивался вперед, используя все дозволенные и недозволенные средства. Его продвигали вперед другие, и в этом, может быть, таится загадка его столь необычной карьеры.

В западной «кремлелогии» часто можно встретить утверждения, согласно которым любой советский политик, который становится лидером партии и государства, должен вначале пройти долгий путь жестокой и трудной борьбы со всеми своими конкурентами. Успеха в этой борьбе может достигнуть только такой человек, который обладает незаурядными умственными способностями, сильной волей, жестокостью, ловкостью и даже коварством аппаратчика, отличным знанием не только всех «коридоров», но и «закоулков» специфической кремлевской системы власти. Он должен уметь искусно манипулировать людьми, подчиняя себе одних, изгоняя или даже физически уничтожая других. В многочисленных статьях о Брежневе, которые появились в мировой печати в первые дни после его смерти, можно найти немало высказываний о нем, как о «сильной личности», «великом мировом лидере», как о человеке, с «сильным интеллектом», «умело и тонко обыгрывающем своих противников». Здесь можно прочесть слова о «хищных и холодных» или «жестоких и леденящих глазах Брежнева.

Задолго до смерти Брежнева один из его первых западных биографов Джон Дорнберг писал:

«Брежнев является ветераном более чем сорокалетней потасовки советского стиля... Благодаря тому времени, когда Сталин был единственным правителем партии и всей страны, Брежнев стал продуктом сталинской эры, образцом политической трезвости, жестокости и

инстинкта самосохранения, воспитанным и извращенным этой эпохой. Подобно Хрущеву, у которого он учился политически ориентироваться, он был мастером искусства патронажа... Но в то время как Хрущев наделал много ошибок, которые и определили его падение, Брежнев сделал их мало, если вообще сделал... Он консервативен, расчетлив и осторожен... Уроки, которые он усваивал по мере продвижения по политической лестнице, хорошо служат ему и сегодня. Подобно Ленину, Сталину и Хрущеву, которые правили перед ним, он является марионетером людей и искусен в использовании партийного аппарата так, чтобы он работал на него...

Следует считать, что правление в Кремле аналогично тому, которое осуществляется над стадом диких животных. При известных условиях сильнейший одерживает верх. Именно господство он и должен защищать от новых и более молодых, претендующих на престол и бросающих ему вызов. До сих пор Брежнев ловко маневрировал, чтобы нейтрализовать вызов, укомплектовывая коллектив своими сторонниками... Борьба за то, чтобы достичь верха и остаться наверху, – это и есть история жизни Леонида Ильича Брежнева»².

Эта характеристика неверна не только в том, что касается методов правления в Кремле, она тем более ошибочна, когда Дорнберг предлагает руководствоваться подобной характеристикой при оценке личности и жизненного пути Брежнева.

Официальная биография Л. И. Брежнева называла его «выдающимся деятелем Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения» и «руководителем ленинского типа, олицетворением ленинской принципиальности, последовательного интернационализма, самоотверженной борьбы за мир и социальный прогресс»³.

Выступая 12 ноября 1982 года на Пленуме ЦК КПСС с выражением искренней скорби по поводу смерти Брежнева, К. У. Черненко говорил о выдающихся способностях, остром уме и исключительном мужестве Брежнева, о его находчивости, требовательности к подчиненным, нетерпимом отношении ко всем проявлениям бюрократизма и т. п. С тем же основанием Черненко мог бы сказать и о «выдающемся литературном даровании» покойного (не зря же он получил Ленинскую премию по литературе), о его «глубочайшей научной эрудиции» (не зря же он получил от Академии наук СССР Золотую медаль Карла Маркса), о его «исключительных заслугах» как полководца Отечественной войны (не зря же он был награжден орденом «Победа» – высшим полководческим орденом СССР) или о его «замечательном ораторском искусстве» (не зря же он так часто «радовал» всех нас продолжительными докладами и речами).

Но дело не только в том, что Брежнев никогда не был тем, кого принято называть «великой» или «сильной» личностью. С точки зрения интеллекта и темперамента и с чисто карьеристской точки зрения Брежнев никогда не был даже выдающимся человеком. Если бы мне нужно было давать предельно краткую характеристику Брежнева, то я сказал бы о нем как о посредственной и слабой личности. Это был, в сущности, скучный и малоспособный бюрократ, не имевший ни какой-либо большой мечты, ни интересных идей и планов, ни оригинального стиля. У него не было, к несчастью, и следа политического гения Ленина. У него не было, к счастью, и злобного властолюбия, жестокой мстительности и сверхчеловеческой силы воли Сталина. У него не было, к сожалению, и исключительной самостоятельности, самобытности, живости характера, огромных реформаторских замыслов и громадной работоспособности Хрущева. И Ленина, и Сталина можно было бы назвать харизматическими лидерами, т. е. людьми, которые в глазах их последователей обладали особыми качествами исключительности и даже сверхъестественности и непогрешимости. Элементы харизматического лидера сохра-

² John Dornberg. Brezhnev. The Masks of Power. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1974. P. 19, 34.

³ Л. И. Брежнев. Краткий биографический очерк. М., 1981. С. 3–4.

нились и у Хрущева, но у Брежнева их не было. И по характеру, и по интеллекту Брежнев был несамостоятельным, нерешительным и неглубоким человеком, к которому с немалой долей пренебрежения относились даже его ближайшие соратники. Они шли за Брежневым не потому, что верили в его исключительность, а потому, что им в данный момент это было выгодно. Эти оценки можно использовать не только для того времени, когда Брежнев был уже тяжело болен, но и для того периода, когда у него не было особых проблем со здоровьем.

Если бы сложившееся в 1964 году и во многих отношениях случайное сочетание политических течений, групп и личных амбиций членов Президиума и Секретариата ЦК КПСС не привело к выдвижению Л. И. Брежнева на пост Первого секретаря ЦК КПСС, то в 70-е и в 80-е годы о нем говорили бы не больше, чем говорят сегодня о таких людях из окружения Н. С. Хрущева, как Ф. Р. Козлов, Д. С. Коротченко, Д. С. Полянский, А. И. Кириченко, К. Т. Мазуров, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, и других.

Даже после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года фигура Брежнева не вызвала особого интереса ни внутри страны, ни за ее пределами. Значительная часть партийного аппарата видела в Брежневе промежуточную фигуру, на его выдвижение смотрели как на временный компромисс, который сохранится только до тех пор, пока в партийном руководстве не определится новый и безусловный лидер. Хорошо помню, что уже в конце октября 1964 года в народе и в партийных кругах наиболее популярны были две шутки:

Некто спрашивает: Что за человек Брежнев?

Некто отвечает: Узнаем после его смерти.

Некто спрашивает: Как мы будем жить теперь после Хрущева?

Некто отвечает: По-брежнему.

По моим сведениям, в западных странах первая биография Брежнева была издана только в 1973 году в ФРГ – это книга М. Морозова «Леонид Брежнев»⁴. Второй была уже упоминаемая выше книга Дж. Дорнберга «Брежнев. Личины власти», изданная в США в 1974 году. Обе эти книги не получили значительного распространения и не переиздавались. Насколько я знаю, никаких других крупных биографии Брежнева в западных странах не издавалось. Для сравнения можно сказать, что только в 1983–1984 годах там было опубликовано более десяти биографий Ю. В. Андропова, а в 1985–1986 годах – несколько биографий М. С. Горбачева. По данным ЮНЕСКО, произведения самого Ленина, книги о нем и о различных аспектах ленинизма занимают и сегодня первое место в мире и по количеству названий, и по тиражам, и по числу переводов на иностранные языки. Немало издается сегодня книг о Сталине и сталинизме. Не так уж много было издано за последние тридцать лет книг о Хрущеве, но и его нельзя назвать забытой историкой и публикой политической фигурой. О Брежневе очень мало писали при его жизни, если не иметь в виду текущих газетно-журнальных статей по проблемам советской политики и советских изданий. О нем почти перестали вспоминать как о политической фигуре теперь, через несколько лет после его смерти.

Конечно, замалчивание и искажение прошлого является хотя и парадоксальной, но типичной чертой советской исторической и политической науки. Сталин пытался исказить и замолчать деятельность Ленина. Хрущев не особенно поощрял статьи и книги о Сталине, и даже большая «секретная» речь Хрущева на XX съезде не публиковалась в СССР более тридцати лет. Имя Хрущева почти не упоминалось в годы правления Брежнева. Но и имя Брежнева стало исчезать со страниц газет и журналов уже через две-три недели после его смерти. И дело не только в тех указаниях «сверху», которые, несомненно, получили все редакторы. О Брежневе советские люди мало вспоминают и в неофициальном порядке. Жители Брежневского района Москвы или города Брежнева в Татарии были очень недовольны этими поспешными переименованиями, ныне отмененными. О Брежневе все меньше говорят и вспоминают

⁴ Michael Morozow. Leonid Brezhnev. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Verlag W. Kohlhammer, 1973.

в любой советской семье, его портретов и раньше никто не вывешивал в частных домах и квартирах, теперь же его образ быстро исчезает и из сознания народа. Мы присутствуем ныне не столько при «демонтаже» культа Брежнева, который безуспешно насаждался в нашей стране в течение столь многих лет, сколько при политическом угасании Брежнева, которое происходит быстрее, чем происходило его физическое угасание. Москвичи проходят с полным равнодушием мимо мемориальной доски на доме, где жил Брежнев, и, наверное, никто, кроме родных, не приносит цветов на его могилу.

Можно сказать заранее, что литература о Брежневе как государственном деятеле и как человеке не будет значительной. Но все же ни история, ни историки не смогут пройти мимо темы Брежнева и брежневизма, ограничившись лишь несколькими строчками в своих книгах. Во многих отношениях карьера и личная судьба Брежнева являются крайне поучительными. Этот человек стоял во главе одной из самых больших стран мира на протяжении восемнадцати лет, и многие из изменений, которые произошли в нашей стране и в мире за эти годы, свершились не без его участия или, напротив, безучастия.

Воспользуемся исторической аналогией. Император Петр I был исключительной фигурой как в русской, так и в мировой истории. Его жизни и деятельности и сегодня посвящаются многие книги, издаваемые как в СССР, так и за его пределами. Куда менее значительной фигурой в истории был император Александр I. Но и в его царствование в России и в Европе происходили огромной важности события, которым он был не только свидетель, но и участник. Командуя русскими войсками, он был разбит при Аустерлице и подписал унижительный Тильзитский мир в 1807 году. Но тот же Александр настоял в 1814 году на вступлении союзных войск в Париж, а Наполеон, в свою очередь, потерпел сокрушительное поражение вначале в России, а потом и в Западной Европе. Вскоре после смерти Александра I Пушкин посвятил ему несколько язвительных строчек:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Почти любой школьник знает эти строчки. Но разве может специалист по истории России начала XIX века ограничиться при характеристике и анализе деятельности и личности Александра I лишь этим четверостишием?

Нечто подобное можно сказать и о Брежневе.

Историки и публицисты ищут название для времени Брежнева: «эпоха подхалимажа», «времена вседозволенности и бюрократизма», «эпоха торможения и застоя», «геронтократия». Пожалуй, подходит любое из этих названий.

Но разве все было так плохо у нас во времена Брежнева? Разве не называли мы 70-е годы самым спокойным десятилетием в истории СССР? Да, но это было спокойствие застоя, когда проблемы не решались, а откладывались, и тучи продолжали сгущаться. Разве не были 70-е годы временем «детакта»? Да, но это была слишком хрупкая разрядка, результаты которой мало кто ощущал уже в 1980 году, т. е. еще при жизни Брежнева. Разве советские люди в начале 80-х годов не жили лучше, чем в начале 60-х? Да, жизнь улучшалась, но крайне медленно, если иметь в виду широчайшие массы крестьян, рабочих и служащих. При этом рост разного рода денежных выплат намного превышал темпы роста производства товаров для населения, жилищного строительства и услуг. Разве Советский Союз не достиг при Брежневе паритета с Америкой в области стратегических вооружений? Да, эта цель была достигнута, но слишком большой ценой для нашей экономики и на слишком высоком уровне – далеко за пределами разумной достаточности. К тому же гонка вооружений продолжалась, истощая страну.

Советский Союз оправился от ужасов сталинского террора. Однако в меньших масштабах незаконные репрессии против инакомыслящих проводились и при Брежневе, сохраняя в обществе атмосферу «умеренного» страха, поддерживаемую к тому же постоянными попытками реабилитации Сталина. Правда, важно отметить и тот факт, что только с 60-х годов в нашей стране стали вообще возможными возникновение диссидентства и его неравная борьба со всемогущим государственным аппаратом.

В стране не было не только торжества законности, но и элементарного порядка. Везде усиливалась бесхозяйственность, безответственность и атмосфера вседозволенности. Все более открыто и нагло заявляла о себе разлагавшая общество коррупция, а злоупотребления властью и хищения в крупных и мелких масштабах становились нормой жизни. Во всех сферах общественной и государственной деятельности – от партийного руководства в центре и на местах до редакций литературных журналов и руководства творческими союзами – насаждалась атмосфера групповщины, круговой поруки, nepотизма и мафиозности.

Нежелание и неумение хорошо работать, политическая пассивность и апатия, нравственная деградация десятков миллионов людей, повсеместное господство посредственности, разрыв слова и дела и поощрение всеобщей лжи – все это искалечило сознание целого поколения, которое мы называем порой не без основания «потерянным поколением». С этой точки зрения общие последствия брежневщины оказались не менее тяжелыми, чем сталинщины. Страна и общество зашли в тупик, и мириться с этим более было нельзя.

История повторяется дважды, говорил Гегель: один раз как трагедия, другой раз как фарс. Маркс любил повторять эти слова. Сталинщина была трагедией. Брежневщина была, конечно, фарсом, но с примесью трагедии. Критика брежневщины звучит сегодня очень резко, но она касается всей эпохи застоя, а не отдельных и наиболее видных ее представителей и создателей: не сказана еще даже малая часть правды о злоупотреблениях не только Брежнева, но даже Рашидова, Гришина, Романова, Кунаева, Черненко и других. Д. Гранин так отмечает характерные черты поздней брежневщины: «Истовая работа спецов, подхалимов всех рангов ограждала от жизни народной, приносила плоды прежде всего им самим. Угодничество настаивало: великая страна должна иметь великого вождя. И стали изготавливать великого. Дутые заслуги соответствовали дутым сводкам, цифрам. Это усваивали по ступенькам, этаж за этажом. Благие намерения, с каких все началось в 1965–1966 годах, постепенно сменялись бесконечными речами. Механизмы печального этого процесса стоило бы подробнее разобрать историкам»⁵.

Историки работают долго, и я думаю, что политики их опередят. Режим Брежнева пугал всех своей иррациональностью: трудно доверять политической группе, которая управляет великой страной по принципу «после нас хоть потоп». Физическая смерть Брежнева проходила долго и мучительно на глазах всего мира. Теперь пришло время его политической смерти. Но это не повод для того, чтобы молчать о Брежневе. Чтобы окончательно покончить с его наследием, недостаточно только снять вывески с его именем с улиц городов, площадей и районов. Поэтому я только могу присоединиться к призыву простого рабочего Н. К. Козырева: «Нужно открыть форточку не только в страшные 30-е, но и в душливые 70-е годы»⁶.

Можно понять тех западных наблюдателей, журналистов и ученых, которые интересуются в первую очередь М. С. Горбачевым, а также той новой группой советских руководителей, которые занимают ныне места на капитанском мостике корабля под названием «СССР». Начался новый период в истории нашей страны, и уже сейчас ясно, что он будет гораздо интереснее и важнее периода Брежнева. Но тень Брежнева будет еще долго стоять над новыми лидерами, а наследие брежневизма – еще долго оказывать влияние на события ближайших лет и

⁵ Московские новости. 1987. № 45. С. 12.

⁶ Огонек. 1988. № 10. С. 4.

даже десятилетий. Поэтому сколь бы серой и посредственной не представлялась нам личность Брежнева, его жизненный путь и его эпоха требуют внимательного анализа. Исходя из этого, я считаю нелишним попытаться нарисовать политический портрет Л. И. Брежнева, а также дать краткий анализ основных событий его эпохи.

Ноябрь 1990 года

Глава 1

Политическая карьера Л. И. Брежнева до 1970 года

Молодой Л. И. Брежнев

В 1936 году, когда прослуживший около года в армии молодой инженер Брежнев был назначен директором Днепродзержинского металлургического техникума, он, вероятно, еще не думал ни о больших постах, ни о политической карьере вообще. Ведь даже по тем временам это была очень скромная должность для 30-летнего инженера-коммуниста, который не отличался, впрочем, не только особыми дарованиями и знаниями, но и большим честолюбием.

Л. И. Брежнев родился в городе Каменское (с 1936 г. Днепродзержинск) на Украине. Это был сравнительно небольшой промышленный город западнее Екатеринослава (Днепропетровск). Тогда в Каменском проживало около 25 тысяч человек, и почти все они так или иначе были связаны с крупным металлургическим заводом, построенным еще в конце 80-х годов прошлого века Южно-Русским днепровским металлургическим обществом. В те годы это был не только первый, но долгое время и самый большой металлургический завод на Украине. Дед Л. И. Брежнева – Яков Брежнев – металлист и сталелитейщик из-под Курска, приехал в Каменское вместе с семьей вскоре после того, как здесь была задута первая домна. Он стал работать в прокатном цехе. Как только подрос сын Илья, отец взял его работать вместе с собой. Через несколько лет Илья Яковлевич женился на одной из местных 18-летних красавиц – Наталье, а 19 декабря 1906 года в их бедном глинобитном доме в неблагоустроенном пролетарском квартале родился первенец – Леонид. Вскоре родился второй сын – Яков, а потом и дочь Вера.

Не слишком многое известно нам о детских годах Леонида Брежнева. Отец был почти весь день занят на заводе, и главным воспитателем маленького Леонида стала мать – Наталья Денисовна, которая не работала, как это и было принято в то время в большинстве многодетных рабочих семей. Металлурги в начале века зарабатывали сравнительно хорошо, и вскоре семья Ильи Брежнева смогла переехать в более просторный дом, хотя и не так близко от завода. С самого начала Каменское складывалось как интернациональный городок. Украинцев было здесь не так много, больше русских, а также поляки и евреи. Среди инженеров были немцы и чехи.

В городе имелась небольшая начальная школа, женская гимназия и классическая гимназия для мальчиков из более привилегированных сословий. В эту гимназию в 1915 году и поступил Леонид Брежнев. Из сорока учеников он был единственным в классе сыном рабочего. Ясно, что семье Ильи Яковлевича приходилось теперь очень экономить и урезать семейный бюджет. Для поступления в гимназию нужно было сдать вступительные экзамены по чтению, письму и арифметике. Это свидетельствует о том, что Леонид начал учиться раньше 1915 года. Однако учился ли он в 1912–1914 годах дома или в начальной двухлетней школе, нам неизвестно. В классической гимназии требования к ученикам были довольно высокие и программа обучения весьма обширная: немецкий, французский, латынь, русская грамматика и литература, история, математика, биология, физика, география, искусство. Леониду больше других предметов нравилась математика, но он не числился в лучших учениках; особенно трудно давались ему иностранные языки. К тому же более или менее нормальное обучение в гимназии продолжалось для него всего два года: началась революция и гражданская война. Начав обучение в гимназии, Леонид Брежнев закончил шестилетний курс обучения уже в трудовой школе. Вскоре после начала гражданской войны завод в Каменском был остановлен: не было сырья и топлива, а большинство инженеров бежало из города. В цехах оставалась лишь малая часть рабочих, занятых изготовлением несложных металлических поделок; впрочем,

здесь были оснащены и несколько бронепоездов. Если крестьяне соседних сел примыкали к националистам, григорьевцам или анархистам-махновцам, то среди металлургов преобладали большевистские настроения, и многие из каменских пролетариев вступали в коммунистические рабочие отряды.

В 1920 году в Каменском, да и в соседних городах царили голод и разруха, свирепствовал тиф, который перенес среди других и 14-летний Леонид. Не только ученики, но и директор трудовой школы ходили босиком. Не было бумаги и керосина, ученики приносили из дома свечи. Все же в 1921 году класс, в котором учился Брежнев, стал выпускным. Так или иначе, но годы школьного обучения остались позади. Некоторое время молодой Леонид перебивался на случайных работах, потом около года учился в организованной одним из безработных инженеров «металлургической профессиональной школе». Конечно, новая экономическая политика Ленина постепенно изменила жизнь и на Украине. Но поднять разрушенное металлургическое производство было нелегко, гораздо быстрее улучшалась жизнь в деревне. Может быть, именно это обстоятельство и побудило Леонида Брежнева оставить мысли о металлургии и обратиться к сельскому хозяйству.

Покинув Каменское, он уехал в Курск, где поступил в землеустроительно-мелиоративный техникум, который закончил в 1927 году, получив профессию землеустроителя. Ни отец, ни мать Леонида не возражали против этого. В Курске и Курской губернии у них было немало родственников, к которым и им самим приходилось приезжать в периоды голода и жестоких междоусобиц. Все же отец Брежнева в 1925 году вернулся в Каменское, где начал, наконец, действовать металлургический завод. В общей сложности отец Л. И. Брежнева работал на заводе в Каменском больше 30 лет – до конца жизни. Умер он в 30-е годы, не достигнув 60-летнего возраста.

Мать Брежнева умерла уже в 70-е годы в Москве в возрасте 90 лет. Сам Брежнев рассказывал позднее, что Наталья Денисовна ни за что не хотела переезжать в Москву и жила в небольшой квартире в Днепродзержинске вместе с семьей своей сестры. Даже тогда, когда ее сын Леонид стал уже Первым секретарем ЦК КПСС, мать его отказывалась не только переехать в Москву, но даже обменять свою тесную квартиру на другую, более просторную. Она покупала продукты в обычном магазине, стояла в очередях, по вечерам любила поговорить со знакомыми соседками, часами сидя на скамейке возле дома. Только тогда, когда Брежнев после XXIII съезда стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, его матери пришлось все же переехать в Москву. Она не слишком хорошо понимала сложные обязанности сына, а его образ жизни и вся московская суета были явно не по душе 80-летней скромной женщине. Ей не могла понравиться ни склонная ко всякого рода авантюрам, грубая и алчная дочь Брежнева Галина, ни его легкомысленный и часто нетрезвый сын Юрий. Своеобразная обстановка, царившая в недружной семье Брежнева, которая доставляла ему самому немало хлопот и ускорила в конце концов его смерть, и помогла родиться одному из тех многочисленных анекдотов, которые пусть и в искаженной форме, но показывали действительные проблемы Брежнева и отношение к нему советских людей:

«Пригласил как-то Брежнев свою старую мать из небольшого города на Украине, где она прожила всю жизнь. Брежнев показал ей не только свою квартиру, но и роскошную дачу под Москвой и в Крыму, свои охотничьи домики, коллекции иностранных автомобилей, золота и драгоценностей.

– А ты не боишься, Леня? – спросила его мать, удивленная всей этой роскошью и богатством. – Вдруг придут к власти большевики?»

Разумеется, Брежневу не всегда приходилось опасаться прихода к власти настоящих большевиков. Скромный 16-летний паренек еще до переезда в Курск вступил в комсомольскую организацию. После окончания техникума 20-летний Брежнев стал работать землеустроителем в одном из уездов Курской области. В следующий сезон он работал в Белоруссии под Оршей,

где на одном из скромных вечеров молодежи познакомился с будущей женой, семья которой происходила из Белгорода. Сам Брежнев был русским, его жена – Виктория Петровна – еврейкой, что не имело для комсомольской молодежи того времени никакого значения. Это обстоятельство послужило, однако, причиной многих спекуляций в 70-е годы, когда различного рода националистические настроения и течения начали оказывать значительное влияние на общественную атмосферу в стране.

В 1928 году Брежнев получил назначение на Урал, вначале в Михайловский, затем в Бисертский район, где был назначен заведующим районным земельным отделом. В 1929 году он был принят кандидатом в члены партии. Жизнь и работа в деревне в конце 20-х – начале 30-х годов становилась все более трудной. По стране шла принудительная коллективизация. Правда, Урал не был тогда районом с развитым сельским хозяйством. Здесь издавна сложилась, а теперь стала быстро развиваться промышленность. Суровый климат не располагал к земледелию. Поэтому жестокая кампания по раскулачиванию имела для Урала иное значение, чем для Украины, Кубани или Южной Сибири. На Урал привозили тысячи «кулацких» семей, здесь появились в разных районах десятки «спецпоселений» из наспех построенных холодных домиков. Многие из бывших «кулаков», как и члены их семей, пополняли ряды рабочих на стройках и заводах Урала. Однако коренное крестьянское население имелось, конечно, и на Урале, в том числе в тех районах вокруг Свердловска, где работал Брежнев. Здесь также создавались колхозы и проводилось раскулачивание, хотя масштабы и жестокость этих кампаний были не столь велики, как в других областях. Брежнев являлся достаточно активным участником этих событий. Вскоре он стал заместителем председателя Бисертского райисполкома, а в самом начале 1931 года был назначен заместителем начальника Уральского окружного земельного управления. Для 24-летнего землеустроителя и кандидата в члены партии это был довольно значительный пост. В сельских районах на востоке СССР было очень мало коммунистов, и для карьеры Брежнева здесь открывались большие возможности. Однако на своем посту в Свердловске он работал всего несколько месяцев. Неожиданно он принимает решение бросить сельское хозяйство, сменить специальность и вернуться в Каменское, на родной завод.

В «Воспоминаниях»⁷ Л. И. Брежнева, которые составлялись на протяжении последних лет его жизни разными группами литераторов и историков при минимальном участии самого Брежнева, возвращение его на металлургический завод объясняется весьма примитивно. Брежнев якобы решил, что главная работа по коллективизации и перестройке сельского хозяйства уже проведена, а в промышленности главная работа еще впереди. Как бы желая всегда находиться именно на переднем крае борьбы за социализм, Брежнев и надумал покинуть далекий и холодный Урал и перебраться на один из крупнейших в стране металлургических заводов, где трудилась большая часть его семьи⁸. Это объяснение не слишком убедительно. К середине 1931 года в нашей стране объединились в колхозы лишь 52,7 % крестьянских хозяйств. Молодые коллективные хозяйства работали еще очень плохо, продолжалась кампания по раскулачиванию. Почти для всех сельских районов страны именно 1932–1933 годы были наиболее трудным временем, когда страшный голод охватил Украину, Поволжье, Северный Кавказ. Покидая в середине 1931 года деревню и перебираясь в город к семье, Брежнев шел отнюдь не навстречу трудностям, он уходил от них. Нельзя забывать к тому же, что именно

⁷ «Воспоминания» Брежнева, которые состоят из отдельных очерков «Малая земля», «Целина», «Жизнь по заводскому гудку» и др., должны были показать причастность Брежнева ко всем важнейшим событиям в жизни страны еще до его выдвижения на пост лидера партии. При всех неточностях и намеренных фальсификациях, эти очерки могут использоваться как важный справочный материал к его политической биографии.

⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 9. М., 1982. С. 31. Некоторые из уральцев говорили мне, что молодой Брежнев принимал крайне активное участие в раскулачивании, приобрел «мрачную известность» и от него хотели избавиться. Но на этот счет нет никаких документов.

на Урале создавался тогда второй и особенно важный для страны центр металлургической промышленности.

В Каменском родные встретили Брежнева и его семью приветливо. Он начал работать на заводе слесарем и одновременно учиться на вечернем отделении металлургического института. Именно здесь Брежнева и принимали в члены партии, как мы узнаем из его «Воспоминаний». Это опять-таки рождает ряд вопросов, на которые мы не получаем ответа. В 1929 году, когда Брежнева на Урале приняли кандидатом в члены партии, кандидатский стаж для выходцев из рядов рабочего класса был всего 6 месяцев. В зависимости от социального происхождения кандидаты делились тогда на ряд категорий, и выходцы из интеллигенции, и вообще из «социально чуждых» слоев, а также бывшие члены других партий проходили двухлетний кандидатский стаж. Таким образом, Брежнев мог бы стать членом партии еще на Урале в 1930 году или, во всяком случае, в первой половине 1931 года. Вряд ли у него отсутствовало стремление к этому. Но он так и не был принят в члены партии, пока не вернулся на родной металлургический завод. Почему это произошло, не ясно.

Учился Брежнев на вечернем отделении института успешно, и вряд ли у него оставалось много времени для работы. Уже в 1932 году он был избран парторгом факультета, затем председателем профкома и наконец секретарем партийного комитета всего института. В 1933 году Брежнев, продолжая учиться в институте, стал также директором вечернего металлургического рабфака. В конце января 1935 года Брежнев окончил полный курс металлургического института и защитил дипломную работу по теме: «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского». Диплом получил оценку «отлично», и по решению Государственной квалификационной комиссии Брежневу присваивается звание инженера-теплосиловика.

Брежнев был назначен в силовой цех завода начальником смены. Это была напряженная работа, но она продолжалась недолго. Как раз в это время в Красной Армии происходило быстрое развертывание новых родов войск – авиации, артиллерии, танковых и механизированных войск. Для службы в этих войсках требовались не только грамотные, но и технически подготовленные люди. Брежнев в 29 лет был призван в армию, служил сначала курсантом бронетанковой школы в Забайкальском военном округе, а затем политруком танковой роты (офицерских званий тогда не существовало, в более поздние времена политрук танковой роты был обычно лейтенантом или старшим лейтенантом).

Брежнев прослужил в армии всего около года. Он вернулся в ноябре 1936 года в свой родной город, который был теперь переименован в Днепродзержинск. Вечерний металлургический рабфак был преобразован в металлургический техникум, и Брежнева, напомним, назначили его директором. Как я уже писал выше, для 30-летнего инженера-металлурга, члена партии, имевшего уже немалый трудовой стаж и безупречное социальное происхождение, это был по тем временам сравнительно скромный пост. Но и сам Брежнев тогда был довольно скромным человеком. Он был приветлив, общителен, имел много друзей и среди инженеров и рабочих металлургического завода, и среди местного партийного и комсомольского актива.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая жизнь и работа Брежнева, если бы в нашей стране как раз в начале 1937 года не начались массовые репрессии, которые позднее в западной печати получили название «большой террор», а у нас в стране их долго называли «ежовщиной». Это была страшная кровавая чистка, которую Сталин обрушил на партийный, советский, военный и хозяйственный аппарат страны. Большая часть старых партийных кадров была физически уничтожена. На Украине террор свирепствовал с особой жестокостью, и было время, когда ни в областных комитетах партии, ни в республиканских органах не оставалось ни одного из прежних руководителей. Нет никаких признаков, что Брежнев как-то участвовал в этой невиданной чистке или содействовал ей. У него не было врагов среди руководителей Днепродзержинска или Днепрпетровска. Сталинский террор не только оказывал огромное психологиче-

ское влияние на таких молодых членов партии, каким был Брежнев и его многочисленные друзья. Террор уничтожал людей, стоявших во главе городов, областей и республик. Однако он вместе с тем открывал возможности для необычно быстрого продвижения вперед сотням и тысячам молодых партийных активистов, находившихся на более низких ступенях партийной и государственной лестницы. Волна новых назначений захватила и Брежнева. Даже одного учебного года не проработал он директором техникума. Уже в мае 1937 года мы видим его на посту заместителя председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Хотя в официальной биографии и можно прочесть, что жители этого крупного города успели проникнуться глубоким уважением к Брежневу «за его энергию, творческий подход к делу и заботливое отношение к нуждам людей», однако нетрудно предположить, что жители Днепродзержинска в это страшное время даже не запомнили нового руководителя своего города.

С начала 1938 года Первым секретарем ЦК КП(б) Украины стал Никита Сергеевич Хрущев. Основная часть чистки уже закончилась, и перед Хрущевым встала задача восстановления партийных органов. Днепропетровская область была одной из самых крупных и экономически значительных на Украине. Проведение нормальных партийных выборов в эти месяцы было еще невозможно, и на ответственные посты партийных работников просто назначали, добавляя к их новым титулам две буквы – и. о. В первые месяцы 1938 года исполняющим обязанности первого секретаря Днепропетровского обкома партии стал С. Б. Задонченко. Как и многие другие новые украинские руководители, Задонченко попал на Украину из Москвы, где он некоторое время возглавлял Бауманский райком партии. Разумеется, в 1938 году он не знал ни обстановки, ни кадров в Днепропетровской области, никогда раньше не слышал о Л. И. Брежневе. В дальнейшем Задонченко не играл заметной роли, не занимал крупных постов в партии и государстве, сделав весьма скромную карьеру в аппарате Совета Министров РСФСР. Его кончина отмечена лишь небольшим некрологом в «Правде» 21 ноября 1972 года.

Вторым секретарем Днепропетровского обкома партии был избран К. С. Грушевой, которого Хрущев не только хорошо знал, но и ценил. Но Грушевой был одновременно близким знакомым и другом Брежнева еще по металлургическому институту. На руководящем посту в Днепропетровском обкоме партии оказался и еще один близкий знакомый Грушевого и Брежнева – П. Н. Алферов. Именно Грушевой и Алферов пригласили Л. И. Брежнева на работу в Днепропетровск, где он с мая 1938 года возглавил один из отделов обкома. Через несколько месяцев по всей Украине прошли партийные конференции, чтобы избрать делегатов на внеочередной съезд Компартии Украины и утвердить новое руководство во всех областных и городских комитетах. Л. И. Брежнев не только был избран в состав Днепропетровского обкома партии, но и получил повышение. В феврале 1939 года он стал секретарем обкома по пропаганде. Еще через год Брежнев, оставаясь одним из секретарей обкома, возглавил вновь созданный отдел оборонной промышленности.

Дружеские отношения с Грушевым сохранялись у Брежнева на протяжении всей жизни. Они были одноклассниками, вероятнее всего, знали друг друга еще со школьных лет. Грушевой раньше Брежнева закончил металлургический институт и в 1938 году стал первым секретарем Днепродзержинского горкома партии. В годы войны Грушевой был членом военных советов Северной группы войск Закавказского фронта, Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Он раньше Брежнева получил звание генерала и имел больше военных наград. Однако после войны продвижение Грушевого замедлилось. Некоторое время он занимал пост министра автотранспорта и автопромышленности УССР. В 1948–1950 годах не без поддержки Брежнева и Хрущева Грушевой занимал пост первого секретаря Измаильского обкома КП(б) Украины. С 1953 года он снова вернулся на политическую работу в армию. С 1965 по 1982 год К. С. Грушевой, ставший в 1967 году генерал-полковником, являлся начальником политуправления Московского военного округа. Каждый из руководителей КПСС старается обеспечить не только лояльность всей армии, но особенно лояльность командования столичного военного

округа. Поэтому в ближайшем окружении Брежнева Грушевой играл не слишком заметную, но очень важную роль. Он умер в начале 1982 года. Как генерала и кандидата в члены ЦК КПСС, Грушевого должны были похоронить на Новодевичьем кладбище. Однако ему были устроены торжественные похороны на Красной площади в Москве, и Брежнев, присутствовавший на этих похоронах, неожиданно упал, разразившись рыданиями, возле гроба своего друга. Благодаря телевидению, этот эпизод видели многие, но для большинства он остался неразгаданным⁹.

Карьера П. Н. Алферова развивалась после войны весьма успешно. Уже в 1946 году он стал заведующим сектором в одном из самых влиятельных отделов ЦК ВКП(б), ведавшем кадрами. Он активно участвовал в той перетряске партийных и государственных кадров, которая проводилась в 1953–1956 годах перед XX съездом КПСС и в первые годы после съезда. С 1956 по 1961 год Алферов – член ЦК КПСС и заместитель заведующего отделом кадров ЦК. Среди друзей Брежнева он продвинулся дальше других. В последние годы жизни он занимал пост заместителя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Вероятно, только болезнь и ранняя смерть в марте 1971 года помешали Алферову занять одно из наиболее важных мест в «команде» Брежнева в 70-е годы.

С 1937 по 1941 год укрепились личные связи Брежнева и с некоторыми другими выпускниками Днепропетровского металлургического института – И. Т. Новиковым, Г. Э. Цукановым, Г. С. Павловым, Н. А. Тихоновым, Г. К. Циневым. Все они заняли через 25–30 лет влиятельные посты в администрации Брежнева. Я еще буду писать о том, насколько важной в судьбе Брежнева была опора и поддержка его личных друзей и родственников, среди которых мы забыли упомянуть Н. А. Щелокова. Это был особенно близкий Брежневу человек. Он тоже окончил металлургический институт в Днепропетровске, некоторое время работал секретарем одного из райкомов города, а затем стал председателем Днепропетровского горисполкома. После войны Щелоков все время находился где-то рядом с Брежневым – в аппарате ЦК КПУ, на советской и партийной работе в Молдавии. Когда Брежнев возглавил партию, Н. А. Щелоков был назначен на пост министра охраны общественного порядка СССР. Он возглавлял этот важнейший центр власти в стране до самой смерти Брежнева.

Во втором эшелоне. Л. И. Брежнев в годы Отечественной войны

В мае 1981 года на склонах Днепра в Киеве был торжественно открыт громадный мемориальный комплекс по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. На большом митинге, посвященном этому событию, выступил специально прибывший по этому поводу в Киев Л. И. Брежнев. Наиболее заметной частью комплекса стала высоченная статуя Родины-матери. У подножия этого сверкающего колосса, выполненного из сверхдорогой стали, лишенного каких-либо национальных признаков и закрывавшего собой силуэт Киево-Печерской лавры, расположился Украинский государственный музей Великой Отечественной войны. Особое внимание посетителей музея привлекли укрепленные на куполе здания мраморные доски, на которых, по примеру Георгиевского зала в Кремле, были высечены золотом имена 11 613 воинов и 201 труженика тыла, удостоенных звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда во время войны. Среди гостей Киева в эти дни было немало ветеранов, которые находили на мраморных плитах и свои имена. Один из ветеранов, участвовав-

⁹ В газете «Красная звезда» от 5 февраля 1981 г. были опубликованы воспоминания К. С. Грушевого о Брежневе. Грушевой рассказывает о совместной учебе и работе в металлургическом институте, об их совместной поездке в Ленинград и т. д. Любопытно, однако, что, хотя Грушевой в 1939–1940 гг. стоял в партийной иерархии выше Брежнева, он говорил в 1981 г. о Брежневе как о своем постоянном руководителе. «Леонид Ильич, – писал Грушевой, – настойчиво учил нас, его товарищей по работе... внимательному, заботливому отношению к людям. Помню, с каким вниманием, энтузиазмом и умением делал он это, будучи секретарем Днепропетровского обкома партии».

ших в торжествах по случаю открытия нового мемориального комплекса, рассказывая мне об этом событии, не скрыл и своего возмущения. Он с трудом нашел на мраморных плитах имена многих прославленных полководцев, которые лишь один раз удостоились звания Героя Советского Союза. Где-то в конце списка героев значилось и имя Верховного Главнокомандующего Сталина, которому это почетное звание было присуждено только в 1945 году. На мраморных плитах были выбиты имена трех трижды Героев Советского Союза, в том числе знаменитых летчиков А. И. Покрышкина и И. Н. Кожедуба. Возглавляли же список героев два четырежды Героя Советского Союза – маршал Г. К. Жуков и Л. И. Брежнев, который согласно алфавиту находился в самом начале списка и имя которого было выбито самыми большими буквами, хотя во время войны Брежнев не имел звания Героя. Более того, в музее в специальном зале были выставлены одежда и оружие Брежнева. Между тем знакомый мне ветеран хорошо знал, что свое первое звание Героя Советского Союза Брежнев получил только в 1966 году, то есть через двадцать с лишним лет после окончания Отечественной войны. Как и другие ветераны, он также знал, что в годы войны Брежнев ничем особенным, в сущности, не отличился.

Как известно, в первый период Отечественной войны обстановка на фронтах складывалась для Советского Союза неудачно. Если судить по книге «Малая земля», Брежнев в первый же день войны обратился с просьбой отправить его на фронт и «в тот же день просьба моя была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта». Однако, по другим данным, Брежнев в первые недели войны находился в Днепрпетровске, занимаясь эвакуацией населения и предприятий из западных областей Украины. В первых числах июля немецкая авиация начала бомбардировки Днепрпетровска, который был тогда крупным центром оборонной промышленности. Пришлось эвакуировать и главные предприятия и часть населения самого Днепрпетровска. По приказу командования часть военно-промышленных объектов города надо было взорвать, в том числе и мост через Днепр. Последнее не удалось сделать, что вызвало явное неудовольствие командования. Полковник в отставке А. П. Кадышев, возглавлявший в 1941 году одно из подразделений в гарнизоне Днепрпетровска, свидетельствует, что именно Брежнев участвовал в отборе и подготовке будущих подпольщиков. По мнению А. П. Кадышева, эта работа велась крайне непрофессионально, что привело впоследствии к провалу многих подпольщиков и к слабому развертыванию подпольной борьбы именно в Днепрпетровске.

В распоряжение штаба Южного фронта Брежнев был направлен только в середине июля 1941 года. Вскоре он назначается заместителем начальника политуправления этого фронта. Южный фронт был наспех образован в июне 1941 года, в его состав входили и 18-я армии и 9-й отдельный стрелковый корпус. И командование фронта, и военная обстановка быстро менялись, однако в первые месяцы войны войска фронта отступали на восток с боями медленнее, чем на других фронтах. Это объяснялось отчасти и тем, что противник перешел в наступление против Южного фронта только 2 июля и что группировка немецко-румынских войск, действовавшая против наших войск на этом направлении, была значительно слабее, чем на других фронтах. Только к 20 июля войска Южного фронта отошли за Днепр. В августе фронт приблизился к Днепру и Днепрпетровску, город начал подвергаться ожесточенным артиллерийским обстрелам. Оборонять его было трудно, и Днепрпетровск захватили немцы. В конце августа фронт организованно отошел за Днепр, а еще в июле на базе Приморской группы войск Южного фронта была сформирована Приморская армия для обороны Одессы.

Гораздо более драматичная обстановка сложилась на соседнем Юго-Западном фронте. Из-за ошибок Ставки и командования фронта наши войска были окружены, и гитлеровцам удалось не только захватить мужественно оборонявшийся Киев, но и взять в плен более 450 тысяч солдат и офицеров.

В это время войска Южного фронта организованно отходили на восток, упорно обороняя в октябре и ноябре 1941 года Донбасс и прикрывая подступы к Ростову-на-Дону. Немцы

рвались вперед, стремясь выйти к Кавказу. На короткое время им удалось захватить Ростов, но в ходе Ростовской наступательной операции, одной из первых в Отечественной войне, войска Южного фронта под командованием генерала Я. Т. Черевиченко сумели нанести поражение ударной группе немецких войск и в ноябре 1941 года освободить Ростов. Немцы были отброшены на 60–80 километров от города, и на несколько месяцев бои здесь приняли затяжной, позиционный характер. Во всех этих событиях принимал участие и бригадный комиссар Л. И. Брежнев. Ветеран Отечественной войны П. В. Гончаров писал автору этой книги: «Мне как кадровому командиру Красной Армии (лейтенанту) в начале Великой Отечественной войны приходилось видеть Л. И. Брежнева в звании бригадного комиссара, так как все секретари обкомов по запасу были бригадными комиссарами (на петлицах один ромб)».

В начале 1942 года после победы наших армий под Москвой Сталин приказал перейти в наступление на всех фронтах. Такой приказ получили и измотанные в осенне-зимних боях войска Южного фронта. Хотя у фронта не было преимущества перед немцами и румынами ни в численности войск, ни в вооружениях, однако наши части вели бои на своей земле. Главной операцией фронта, которым командовал в те недели генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, была Барвенково-Лозовская операция, проведенная совместно с частями Юго-Западного фронта. Советские войска прорвали оборону противника, продвинулись вперед на 90–100 километров и создали угрозу коммуникациям донбасской группировки противника. Хотя Южный фронт и не выполнил всех поставленных перед ним задач, проведенные им боевые действия были оценены Ставкой положительно. Многие командиры, солдаты и политработники были награждены. Именно за участие в Барвенково-Лозовской операции Л. И. Брежнев, был награжден своим первым орденом – орденом Красного Знамени.

Однако боевое счастье переменчиво. После короткого затишья в боях войска Южного и Юго-Западного фронтов получили приказ провести новую наступательную операцию. Войска двух фронтов начали 12 мая 1942 года крупное наступление с целью освобождения Харькова и создания условий для дальнейшего наступления на Днепропетровск. Эта операция закончилась полной неудачей. Хотя войска Юго-Западного фронта прорвали оборону противника и продвинулись вперед на 20–50 километров, немецкой ударной группировке удалось, в свою очередь, прорвать оборону Южного фронта, зайти в тыл войскам Юго-Западного фронта и окружить их. После ожесточенных боев из окружения смогли вырваться лишь около 22 тысяч человек. Около 230 тысяч человек погибли и попали в плен. Войска Юго-Западного и Южного фронтов не только понесли крупные потери, но и лишились важных плацдармов на Северском Донце. Это поражение позволило немецким войскам перейти вскоре в общее наступление на южном направлении, захватить Крым, Ростов-на-Дону, выйти на Северный Кавказ и в район Волги у Сталинграда.

Я не знаю, где находился и что делал в эти тревожные месяцы полковник Брежнев. Многие из тех, кто был причастен к неудачной Харьковской операции, были понижены в должности. Р. Я. Малиновский стал командовать 66-й армией, и только в феврале 1943 года он снова назначается командующим Южным фронтом. Брежнев осенью 1942 года был направлен на Кавказ и назначен заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта, которая участвовала в сражениях за Туапсе и Новороссийск. Немецкая армия заняла Новороссийск, Таманский полуостров, затем продвинулась далеко на восток, захватив Краснодар, Ставрополь, Нальчик, Моздок. Туапсе же удалось отстоять, и немецкие войска не сумели прорваться здесь в Закавказье. Зимой 1942/43 года немецкое наступление на Северном Кавказе было наконец остановлено, что не позволило армиям врага прорваться к Грозному и Баку. В ознаменование этих боев 1 мая 1944 года была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой среди более чем 500 тысяч человек был награжден и Л. И. Брежнев.

В январе 1943 года в Красной Армии изменились отдельные воинские звания и были введены погоны. Звание бригадного комиссара было упразднено. Некоторые из бригадных

комиссаров получили звание генерал-майора, другие – полковника. Полковником стал и Л. И. Брежнев. Весной 1943 года он был назначен начальником политотдела 18-й армии. Еще сравнительно недавно этой армией командовал генерал-майор А. А. Гречко, которого сменил на этом посту генерал-полковник К. Н. Леселидзе.

Группа ветеранов 18-й армии в письме в газету «Неделя», справедливо отмечая ряд ошибок в моих газетных публикациях о военной биографии Брежнева, одновременно указывала на то, что в годы брежневщины «много писали не об армии, не о ратных подвигах ее войск, а на фоне боевого пути армии прославляли начальника политотдела Л. И. Брежнева. В печати, как правило, постоянно, широко и ловко использовалась ограниченная обойма одних и тех же боевых эпизодов, героических подвигов, узкий круг имен, так или иначе связанных с ним и выгодных для шумной пропаганды его руководящей роли и боевых заслуг на фронте. Все остальное, главное, героическое, замалчивалось... Около двух лет боевого пути армии – период самых тяжелых, кровопролитных сражений против фашистских захватчиков, по конъюнктурным соображениям не освещались в печати. Почти две трети имен и бессмертных подвигов Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы до сих пор остаются даже неупомянутыми в литературе».

Если судить по официальной биографии Брежнева, то можно было бы сделать вывод, что начальник политотдела всегда был вторым человеком в армии. Это не так. Формы политического управления в Красной Армии в первый год войны несколько раз значительно изменялись, но уже к концу 1942 года они приобрели устойчивый характер, сохранившийся до конца войны. Главным политическим руководителем и в составе армии, и в составе фронта был член Военного совета, который утверждался непосредственно в ЦК ВКП(б) и считался основным представителем партии в военном руководстве. Командующий армией или фронтом, начальник штаба и член Военного совета принимали все важнейшие военные решения и отвечали за судьбу армии или фронта. Член Военного совета – политработник – считался вторым человеком в армии (иногда он назывался «первый член Военного совета») и обязательно участвовал в разработке оперативных планов. Кроме этих трех лиц в работе Военного совета принимали участие заместители командующего и командующие родами войск. Начальники политотделов к работе в Военном совете не привлекались. Политотделы армий руководили работой партийных и комсомольских организаций, агитационно-пропагандистской работой, армейской печатью, подготовкой наградных документов и т. п. В своей работе политотдел армии отчитывался перед Военным советом армии и перед политуправлением фронта, а также перед командующим армией. Так, например, в 1943 году членом Военного совета 18-й армии был генерал-майор С. Е. Колонин, которому и подчинялся непосредственно начальник политотдела полковник Л. И. Брежнев. Под руководством политотделов проводились партийные и комсомольские собрания, прием новых членов партии. Нередко Брежнев лично вручал партийные билеты принятым в партию солдатам и офицерам.

Как политработник Л. И. Брежнев никаких особых заслуг не имел. По свидетельству Д. А. Волкогонова, полковой комиссар ПУРККА Верхорубов, проверяя политработу в 18-й армии, написал в составленной им характеристике: «Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева – весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково равно. Склонен иметь любимчиков»¹⁰.

Подобного рода характеристики мешали, по-видимому, быстрому продвижению Брежнева по службе. Согласно официальной биографии будущего генсека, большую часть 1943 и 1944 годов полковник Брежнев продолжал оставаться начальником политотдела 18-й армии¹¹. Лишь в конце 1944 года он был назначен начальником политуправления 4-го Украинского

¹⁰ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Книга 1. М., 1990. С. 155–156.

¹¹ По архивным данным, Брежнев являлся начальником политотдела 18-й армии с 1 апреля 1943 г. по 9 мая 1945 г.

фронта, который вел военные действия уже на территории Чехословакии¹². Не слишком обильными были и награды Брежнева, который 2 ноября 1944 года получил очередное воинское звание генерал-майора. Кроме ордена Красного Знамени, о котором я уже говорил, Брежнев получил еще один орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого. Это, конечно, немало, но другие молодые генералы имели больше наград, и это больно задевало самолюбие Леонида Ильича.

Но вернемся к судьбе 18-й армии, с которой столь тесно была связана и судьба Брежнева. В 70-е годы об этой армии говорили и писали в нашей печати больше, чем о любой другой. В некоторых городах открывались даже музеи, посвященные исключительно 18-й армии. Первый такой музей был создан в Баку по инициативе Г. А. Алиева, который возглавлял в 70-е годы Компартию Азербайджана. Я, конечно, далек от того, чтобы умалить военные заслуги 18-й армии, которая принимала участие в боях на юге советско-германского фронта. Так, например, в феврале – марте 1943 года 18-я армия участвовала в Краснодарской наступательной операции. По плану Ставки войска Северо-Кавказского фронта должны были разгромить сильную краснодарскую группировку противника, прижатую к Азовскому морю, не допустив отхода немецких войск в Крым. Одновременно войска фронта должны были уничтожить вражескую группировку в районе Новороссийска и освободить этот город. Советские армии, однако, еще не располагали достаточными силами для осуществления задачи в полном масштабе. В результате ожесточенных боев Краснодар был освобожден, и войска Северо-Кавказского фронта продвинулись на запад от города на 60–70 километров. Но они не смогли преодолеть заранее возведенного здесь мощного оборонительного рубежа. Поэтому и Таманский полуостров, и Новороссийск остались еще на несколько месяцев в руках гитлеровцев.

При подготовке Краснодарской операции командование фронта решило провести Южно-Озерейскую десантную операцию для содействия разгрому новороссийской группировки противника. В то время как главные силы фронта готовились к наступлению на Краснодар, с 4 по 9 февраля 1943 года южнее Новороссийска, в районе Южной Озерейки, высадился десант в составе 1,5 тысячи бойцов и 10 танков. Они захватили небольшой плацдарм, создав немалые трудности для противника. Однако дальнейшие события развивались не так, как предусматривалось командованием фронта и Ставкой. Наступление основных сил фронта было остановлено, а затем и надолго отложено. Этот плацдарм на Мысхако оказался изолированным. Для наступательных операций здесь было слишком мало сил и средств, да и оборона плацдарма требовала больших усилий. Этот плацдарм был, в сущности, лишь частью задуманной ранее крупной десантной операции. Основной десант должен был захватить район Южной Озерейки и развернуть здесь значительные силы. Десант на Станичку (предмесье Новороссийска) был только демонстративным. Но из-за шторма и ошибок флота посадить основной десант не удалось, тогда как демонстративный десант под командованием майора Ц. Л. Куникова сумел закрепиться на участке в 4 километра по фронту и 2,5 километра в глубину. Сюда прорвалась и часть десанта, высаженного в Южной Озерейке. Этот участок получил позднее название Малая земля. Демонстративный десант превратился таким образом в основной. Первоначально этот десант формировался за счет добровольцев с кораблей и частей Новороссийской военно-морской базы. Однако уже после образования плацдарма и расширения его до 30 квадратных кило-

¹² Согласно данным Д. Табачника, работавшего в военных архивах, Л. И. Брежнев и в конце 1944 г. продолжил оставаться начальником политотдела 18-й армии. Начальником же политуправления 4-го Украинского фронта с 20 октября 1943 г. по 31 мая 1944 г. и с 5 августа 1944 г. по 11 мая 1945 г. был профессиональный политработник еще со времен гражданской войны, генерал-лейтенант М. М. Пронин, чьи заслуги были отмечены высокими полководческими наградами, которые получали лишь командующие армиями и фронтами (например, орден Кутузова 1-й степени). Только 12 мая 1945 г. М. М. Пронин получил новую должность начальника политуправления Группы советских оккупационных войск в Германии, а на его пост ненадолго был назначен Л. И. Брежнев (см.: Запятая в биографии Генсека // Московский комсомолец. 1989. 21 декабря). Д. Табачник высказывает не лишнее оснований предположение, что публикуемые при жизни Брежнева искаженные данные о его военной биографии были нужны, чтобы как-то оправдать награждение Леонида Ильича полководческим орденом «Победа».

метров командование фронта решило укрепить действовавшие на нем части пятью стрелковыми, двумя морскими бригадами и пятью партизанскими отрядами. Руководство десантом взяла на себя оперативная группа 18-й армии. Попытки немцев сбросить десант в море были отбиты. На Малой земле наши войска создали крепкую оборону и сумели сохранить плацдарм до начала Новороссийско-Таманской наступательной операции (сентябрь – октябрь 1943 г.).

В масштабе Отечественной войны оборонительные бои на Малой земле были только одной из многих тысяч подобных операций, имевших к тому же вспомогательный характер. Ни в планировании, ни в проведении этой операции начальник политотдела Л. И. Брежнев не принимал никакого участия. В официальной биографии Брежнева говорится, что он «часто бывал здесь (т. е. на Малой земле. – *Примеч. Р. М.*), причем, как правило, в моменты, когда обстановка становилась особенно сложной, а бои достигали высокого накала... В трудные дни боев Л. И. Брежнев делил с малоземельцами все горести и радости, тяготы и опасности фронтовых будней. Его оптимизм, бьющая ключом энергия и бодрость заставляли бойцов подтягиваться, расправлять плечи. Десантники знали его в лицо, и в шуме и грохоте боя не раз слышали его спокойный голос»¹³.

Однако для начальника политотдела армии участие в боях не только не являлось обязательным, но и считалось ненужным, а часто даже вредным, так как его присутствие в гуще боя могло лишь мешать строевым командирам. В действительности все 225 дней боев на Малой земле штаб 18-й армии, как и ее политотдел, находились на Большой земле в относительной безопасности. Как можно судить и по небольшой книжке Брежнева «Малая земля», он был на плацдарме два раза – один раз с бригадой ЦК партии, другой раз для вручения партийных билетов и наград солдатам и офицерам. В большой документальной повести Георгия Соколова «Малая земля», автор которой, как говорится в предисловии, все «семь долгих месяцев находился в гуще боев на Малой земле», мы можем найти два упоминания о Брежневе – «худом полковнике с большими черными бровями»¹⁴. Разумеется, даже редкие поездки на Малую землю были сопряжены с немалой опасностью. Как рассказывал еще в 1958 году бывший военный корреспондент С. А. Борзенко, «однажды сейнер, на котором плыл Брежнев, напоролся на мину, полковника выбросило в море, и там его в бессознательном состоянии подобрали матросы»¹⁵.

В последующие годы даже этот эпизод стал претерпевать весьма странные метаморфозы. В публикациях о боях на Малой земле исчез вначале тот факт, что Брежнева подобрали и подняли на сейнер в бессознательном состоянии. Однако еще позже появились публикации, где можно было прочесть, что Брежнев не только сам выбрался из трудной ситуации, но и помог подняться на борт сейнера нескольким ослабевшим матросам.

Ветеран 18-й армии А. Никулин писал в газете «Аргументы и факты»:

«Мне, как ветерану 18-й армии, малоземельцу с 14 февраля по апреля 1943 г., до недавних пор постоянно задавали вопрос, видел ли я на Малой земле Л. И. Брежнева. Нет, о том, что он был у нас начальником политотдела, я узнал только в 1957 г. В книжке “Малая земля” многое описано правильно, но есть и досадные исключения.

Рассказывается, что к любому подразделению можно было пройти по ходам сообщения. Может быть, Л. Брежнева и водили по ходам, а мы ползали по поверхности, используя для укрытия складки местности и воронки от авиабомб и крупнокалиберных снарядов, недостатка в которых, к сожалению, не было. В них оборудовали огневые позиции и окопы для связистов. Прорыть же ход сообщения от орудия до окопа связиста ни малой, ни большой саперной лопатой в скалистом грунте было невозможно, а другого шанцевого инструмента у нас не имелось.

¹³ Брежнев Л. И. Краткий биографический очерк. М., 1981. С. 18.

¹⁴ Соколов Г. В. Малая земля. М., 1971. С. 203.

¹⁵ Борзенко С. А. Жизнь на войне. Записки военного корреспондента. М., 1958. С. 167.

Перепопзая, я и был контужен взрывной волной от разорвавшегося крупнокалиберного снаряда и стал пожизненно инвалидом II группы.

Далее. В книжке описывается, что быт малоземельцев был налажен и даже баня была, в которой якобы мылся Л. И. Брежнев. За все время пребывания на Малой земле мы мылись только под ливневыми дождями и купались в море при высадке да когда доставали с затонувшего корабля рисовый концентрат. Им и питались, так как теплоход с продовольствием был подбит немцами и затонул метрах в 150 от берега. Это было в марте, три недели мы не получали никаких продуктов вообще.

И последнее: от ветеранов 18-й армии я узнал, что Л. И. Брежнев встречался только с политработниками, другие, как и я, офицеры (а что уж говорить о солдатах) в глаза его не видели.

Сейчас на Малой земле, да и в других местах, где проходила 18-я армия, убирают все, что связано с именем Л. И. Брежнева. Заодно разрушают и то, что дорого сердцу каждого воина этой армии. Зачем же понадобилось зачеркивать массовые героические подвиги тысяч малоземельцев, отдавших свои жизни за Родину, оставшихся инвалидами? – справедливо спрашивает А. Никулин. – Пошли разговоры, что Новороссийску незаслуженно присвоили звание города-героя, что десант не сыграл никакой роли в Великой Отечественной войне. А ведь это не так. Наш десант держал этот важный клочок земли площадью 30 квадратных километров в течение 225 дней, приковывая к себе значительные силы фашистов, которые в противном случае использовались бы на других участках фронта. И, наконец, надо же понять, что высадку десанта планировал не Л. Брежнев»¹⁶.

Конечно, можно объяснить досаду ветерана боев на Малой земле. Но можно объяснить и недовольство других ветеранов – в 70-е годы о боях на этом небольшом плацдарме в нашей печати вспоминали едва ли не чаще, чем о боях под Сталинградом, Курском, Ленинградом, Москвой, и уж гораздо чаще, чем о героической обороне Одессы, Бреста, Севастополя. Фальсификация и раздувание роли Брежнева в Отечественной войне проводились настолько грубо и бесцеремонно, что даже в книгу маршала Жукова «Воспоминания и размышления» ее редактор «по совету свыше» должен был вписать абзац о том, что Г. К. Жуков хотел «посоветоваться» с Брежневым, хотя о полковнике Брежневе Жуков в годы войны ничего не знал¹⁷.

Наиболее подробное описание тяжелых боев по освобождению Новороссийска и Таманского полуострова можно найти в книге В. Карпова «Полководец», которая была удостоена Государственной премии СССР. Замысел этой сложнейшей операции был задуман лично командующим Северо-Кавказским фронтом генерал-полковником И. Е. Петровым совместно с начальником штаба фронта генерал-майором И. А. Ласкиным. Как свидетельствует Карпов, «приняв решение, Иван Ефимович, не заботясь о своем авторстве и приоритете, стал советоваться с товарищами, готовый принять их критику, поправки, пожелания или одобрение. Разумеется, для сохранения тайны он знакомил со своим замыслом очень ограниченный круг генералов»¹⁸.

Среди этих генералов был, конечно, и командующий 18-й армией генерал Леселидзе, на которого возлагались важные задачи при штурме Новороссийска. В свою очередь, Леселидзе ознакомил с отдельными деталями операции ее участников – командиров полков и соединений, ведущих политработников, включая и Брежнева. Фраза В. Карпова о том, что генерал Петров не заботился о своем авторстве и приоритете, не случайна, потому что позднее в военной литературе встречались попытки оспаривать приоритет и авторство Петрова в разработке главного плана этой блестящей операции. Такая попытка содержится, например, в книге быв-

¹⁶ Аргументы и факты. 1988. № 30. С. 8.

¹⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1984. Т. 3. С. 24.

¹⁸ Карпов В. В. Полководец // Новый мир. 1983. № 12. С. 24.

шего представителя Ставки на Северном Кавказе и бывшего наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова¹⁹. Карпов деликатно и убедительно опровергает утверждения Кузнецова. Но Карпов, естественно, не считает нужным опровергать нелепые притязания Брежнева или, вернее, его биографов. При описании боев за Новороссийск и Тамань в книге Карпова имя Брежнева вообще не упоминается. А между тем в его биографии мы могли бы прочесть следующее: «На всех этапах битвы за Кавказ Л. И. Брежнев принимал активное участие в разработке планов оборонительных и наступательных операций и их проведении. Он был одним из инициаторов смелого замысла по осуществлению в сентябре 1943 года десантной операции с суши силами 18-й армии и с моря Черноморским флотом с целью полного освобождения Новороссийска...»²⁰

Почти сразу же после освобождения Новороссийска и Таманского полуострова войска Северо-Кавказского фронта захватили плацдарм на Керченском полуострове и начали подготовку к полному освобождению как Керченского полуострова, так и всего Крыма.

Не слишком точно излагается в «Кратком биографическом очерке» и Керченская десантная операция в ноябре – декабре 1943 года, в которой активное участие принимала и 18-я армия. Если ограничиться этим источником, то может создаться впечатление, что именно 18-я армия сумела захватить главные плацдармы на Керченском полуострове, и только на заключительном этапе Керченской операции армия Леселидзе была по непонятным причинам переброшена на другое стратегическое направление, а именно в распоряжение 1-го Украинского фронта. В энциклопедии «Великая Отечественная война» на этот счет можно прочесть: «Десант 18-й армии 1 ноября скрытно высадился в районе Эльтигена и захватил плацдарм до 5 километров по фронту и до 2 километров в глубину. Воспользовавшись тем, что противник сосредоточил основные силы для борьбы с десантом 18-й армии, Азовская военная флотилия в ночь на 3 ноября высадилась северо-восточнее Керчи десант 56-й армии, который к 12 ноября захватил плацдарм на участке от Азовского моря до предместья Керчи. Противник спешно стал перебрасывать на Керченский полуостров из Перекопа свежие силы, стремясь сбросить десант в море, но безуспешно. Войска 56-й армии закрепились и удерживали плацдарм до начала Крымской операции 1944 года... Десант 18-й армии, подвергаясь непрерывным атакам противника с суши и с воздуха, был отеснен к морю и удерживал территорию в 4 квадратных километра. 6 декабря противнику удалось вклиниться в его оборону... Не имея возможности оказать помощь десанту, советское командование 11 декабря на судах Азовской военной флотилии эвакуировало его»²¹.

Разумеется, эта вынужденная эвакуация несколько не умаляет заслуг бойцов и командиров 18-й армии. Без их мужественной борьбы не смогла бы успешно провести свою десантную операцию 56-я армия. Но не следует и приписывать армиям, командармам и начальникам политотделов тех заслуг и подвигов, которых у них не было.

В дни боев на небольшом эльтигенском плацдарме 18-я армия фактически бездействовала. У Черноморского флота не было тогда достаточных плавсредств, чтобы наращивать силы одновременно на двух плацдармах (северо-восточнее и восточнее Керчи и в районе Эльтигена), и части 18-й армии могли поддерживать своих десантников только огнем дальнобойной артиллерии. Лишь одиночные суда с трудом пробивались к плацдарму, чтобы доставить боеприпасы, продовольствие и вывезти раненых.

Фронтовые связи могли быть краткими, но прочными. Я уже писал выше о знакомстве Л. И. Брежнева с генерал-майором А. А. Гречко. Это знакомство могло продолжаться и после того, как Гречко стал командовать 56-й армией, и тогда, когда он был назначен заместите-

¹⁹ Кузнецов Н. Г. Курсом к Победе. М., 1975. С. 302–303.

²⁰ Брежнев Л. И. Краткий биографический очерк. М., 1981. С. 19.

²¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С. 330.

лем командующего 1-м Украинским фронтом. Можно предположить, что именно в 1943 году Брежнев познакомился с М. А. Сусловым, первым секретарем Ставропольского крайкома партии, который в 1943 году возглавил краевой штаб партизанских отрядов и являлся также членом Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, которая в январе 1943 года была преобразована в Северо-Кавказский фронт. Вероятно, еще на Украине Брежнев познакомился с А. П. Кириленко, который в 1939–1941 годах был вторым секретарем Запорожского обкома партии, а в 1941–1942 годах – членом Военного совета 18-й армии. Военные дороги 1942–1943 годов, несомненно, сталкивали Брежнева с будущим адмиралом С. Г. Горшковым – командующим Азовской военной флотилией.

Осенью 1943 года на Украине развивалось мощное наступление советских войск. Решением Ставки 18-я армия была выведена из состава Северо-Кавказского фронта и переброшена на 1-й Украинский фронт. Командовал этим фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. Членом Военного совета фронта, которому отныне подчинялся и Л. И. Брежнев, был Н. С. Хрущев. Фронт лишь в ноябре освободил столицу Украины Киев и теперь готовился не только к отражению немецкого контрудара, но и к возобновлению наступления на запад. 18-я армия в составе 1-го Украинского фронта приняла активное участие в Житомирско-Бердичевской операции, проведенной в декабре 1943 – январе 1944 года. В результате этой операции немецкая группа армий «Юг» понесла большие потери, и многие из украинских городов были освобождены.

Когда идет война, все ее участники, хотя и в разной степени, подвергают свою жизнь опасности. В боях на Украине погиб генерал армии Н. Ф. Ватутин. После тяжелой болезни умер командующий 18-й армией генерал-полковник К. Н. Леселидзе. (Его заменил на этом посту генерал-лейтенант Е. П. Журавлев.) В опасные переделки попадал иногда и Л. И. Брежнев. В декабре 1943 года во время контратаки противника группа немецких войск прорвалась к Киевскому шоссе, и в отражении этой атаки пришлось принять участие работникам политотдела, включая и самого Брежнева. Гораздо позднее Леонид Ильич писал: «Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету. Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить!»²².

Свидетелей этого подвига начальника политотдела так и не нашлось, да и вряд ли Брежнев своей рукой написал приведенные выше строчки. Тем не менее на предполагаемом месте этого короткого боя через тридцать лет было решено возвести огромный монумент. Его соорудили на окраине села Ставище Коростышевского района Житомирской области. На монументе надпись: «Здесь в ночь с 11 на 12 декабря 1943 года начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражая атаку противника». При открытии монумента в это никому ранее не известное село прибыли генералы и ответственные работники области и республики. Вокруг монумента выросла гора цветов. Потом все было сфотографировано, и огромные цветные фотографии преподнесены самому Брежневу. Я не хочу оспаривать сам факт ночного боя, таких эпизодов на Фронте было немало и с генералами, а не только с полковниками. Должен все же отметить, что после публикации статьи «Брежнев в годы войны» я получил письмо от ветерана Отечественной войны П. Г. Коряжкина, проживающего в г. Клин Московской области. В этом письме говорится:

«Рой Медведев пишет, что свидетелей этого подвига начальника политотдела не нашлось. Да и не может быть найден такой свидетель, потому что все это приписано Брежневу. Я участник этого боя и не только участник, но и решил исход атаки противника по захвату шоссе. Из ручного пулемета я первый открыл огонь по цепочке фашистов, уничтожил 24 фашиста и 7 ранил, раненых добились офицеры политотдела, который возглавлял Брежнев. Я не отрицаю участия работников политотдела в отражении атаки в ночь с 11 на 12 декабря 1943 года, но это

²² Социалистическая индустрия. 1989. 23 августа.

участие было второстепенным и решающего значения не имело, так как атаку в основном уже отбило боевое охранение и штабные работники отдельного управления полевого строительства № 38 Первого Украинского фронта, которое временно расположилось в деревне Ставище и которое не числилось в составе 18-й армии. После боя ко мне подходил офицер-корреспондент, все записал, но, узнав, что я не состою в 18-й армии, ничего не напечатал. Да и как мог Брежнев стрелять из пулемета? Любой пулемет закреплен за определенным лицом, который должен вести из него огонь, пока он не погиб или не ранен».

Конечно, я не могу сейчас точно установить: кто в данном случае прав – сам Брежнев, его соавторы или ветеран П. Г. Коряжкин. Но в любом случае фраза о том, что «Брежнев не только редактировал армейскую газету, но и с автоматом в руках штурмовал немецкие казармы», которую можно найти даже в изданной в ФРГ биографии Брежнева, является явным преувеличением²³. В любом случае Брежневу повезло: за всю войну он не получил ни одного ранения.

В ходе общего наступления на Правобережной Украине в январе-марте 1944 года Красная Армия вышла к предгорьям Карпат, и для наступления через Карпаты, которое требовало специальной подготовки, был создан новый 4-й Украинский фронт во главе с генералом И. Е. Петровым. 18-я армия вошла в состав этого фронта. Рядом с 18-й армией сражался и Чехословацкий корпус под командованием генерала Людвиг Свободы. Между советскими и чехословацкими офицерами состоялось несколько дружеских встреч, на которых познакомились Брежнев и Людвиг Свобода. Бои в Карпатах, которые подробно описывает в своей книге В. Карпов, были исключительно тяжелыми, но советские войска сумели одолеть врага и вступить на территорию Чехословакии. Эти же бои вспоминал в своей книге и генерал П. Г. Григоренко, который в звании подполковника, а потом полковника воевал в 1944 году в 18-й армии.

Брежнев не раз встречался с будущим диссидентом П. Г. Григоренко, начальником штаба одной из дивизий 18-й армии. В своих мемуарах, которые были опубликованы в США и в журнале «Звезда», Григоренко, вспоминая об этих встречах, не слишком лестно отзываясь о Брежневе, хотя, как и на всяких воспоминаниях, на мемуарах Григоренко лежит печать субъективизма.

«Все, кто поближе его знал, – пишет о Брежневе Григоренко, – воспринимали его как недалекого простачка. За глаза его называли – Леня, Ленечка, наш политводитель. Думаю, что подобное отношение к нему сохранилось и в послевоенной жизни... Описанная мной встреча с Брежневым была не первой и не последней. Но это был единственный случай, когда Брежнев при мне был так близко к переднему краю (3 километра). Говорю это не в осуждение Брежнева. В конце концов и в армии, как и вообще в жизни, каждый имеет свои обязанности. От Брежнева по его должности не требовалось бывать не только на переднем крае, но и на командном пункте армии. С командиром должен был находиться член Военного совета, то есть начальник всех политработников армии, в том числе и Брежнева. Место начальника политотдела во втором эшелоне армии, там, где перевозятся партдокументы. Выезжать же в войска для встречи с коммунистами и вообще с личным составом следовало лишь тогда, когда люди не ведут боя. В бою начполитотдела армии может только мешать»²⁴.

Как уже говорилось выше, за участие в боях за освобождение Украины Брежнев был награжден орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени. Вскоре, согласно официальной биографии, он был назначен начальником политуправления 4-го Украинского фронта. Войска фронта с января по май 1945 года провели ряд крупных боевых операций по освобождению Словакии и южных районов Польши, Моравско-Оставского промышленного района. Вместе с войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов 4-й Украинский фронт участвовал в завершающей войну Пражской операции 1945 года. Здесь, в Праге, и встретил генерал-майор Брежнев

²³ Michael Morozow. Leonid Brezhnev. S. 61.

²⁴ Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... Н.-Й.: Детинец, 1981. С. 365.

конец войны. Сразу же после окончания войны началось сокращение армии и демобилизация старших возрастов и части офицеров, в том числе и политработников. Брежнев, однако, был оставлен в армии еще на год. В конце мая проходило расформирование некоторых дивизий и армий. Была расформирована и 18-я армия. Вскоре после Парада Победы началась и реорганизация недавних фронтов в военные округа. На базе 4-го Украинского фронта был образован Прикарпатский военный округ, в котором Л. И. Брежнев стал начальником политуправления. Армия продолжала сокращаться, и примерно через год – в мае 1946 года – было решено объединить Прикарпатский и Львовский военные округа. Значительная часть офицеров и генералов не получила здесь прежних должностей. Некоторые из них перешли на службу в другие военные округа. Многие генералы и старшие офицеры поступили на учебу в различные военные академии. Но немалое количество военных командиров и политработников перешли на гражданскую и партийную работу. Судьба крупных политработников решалась совместно Главным политуправлением Вооруженных Сил и отделом ЦК ВКП(б), ведавшим кадрами. В августе 1946 года Л. И. Брежнев был направлен в распоряжение ЦК КП(б) Украины.

Л. И. Брежнев на Украине и в Молдавии. 1946–1952 годы

1946 год был для страны и для Украины годом надежд, политического и хозяйственного подъема, но также и годом тяжелых лишений. Возвращались с фронта солдаты и офицеры. После разного рода проверок приходили домой немногие оставшиеся в живых военнопленные. Из Германии и других стран Европы возвращались угнанные туда на работу женщины. Из восточных районов СССР приезжали семьи украинцев, евреев, русских, бежавших на восток перед немецким нашествием. Но везде еще не хватало рядовых рабочих и руководителей. В украинских деревнях почти не осталось здоровых мужчин. Не было новой техники, да и лето обещало плохой урожай: ни в мае, ни в июне почти не было дождей.

Сразу после освобождения Киева Н. С. Хрущев, не снимая военной формы, принял на себя в полной мере обязанности Первого секретаря ЦК КП(б)У и Председателя Совета Народных Комиссаров УССР. Когда для работы на Украину прибыл недавний генерал-майор Л. И. Брежнев, то по рекомендации секретаря ЦК КП(б)У Л. Г. Мельникова в августе 1946 года он был избран первым секретарем Запорожского обкома КП(б)У.

Запорожская область принадлежала тогда к числу сравнительно небольших областей Украины. После войны там проживало менее одного миллиона человек, и даже в 1956 году население области не намного превысило 1,3 миллиона человек. В областном центре – Запорожье – до войны было меньше 300 тысяч жителей, а в первые послевоенные годы численность горожан значительно уменьшилась. Как и везде на Украине, основную часть населения составляли женщины, главным образом вдовы. Однако Запорожская область считалась важной в промышленном отношении частью Украины. Здесь находился крупнейший в стране центр металлургической промышленности – заводы «Запорожсталь», «Днепропетросталь» и другие, имелось много машиностроительных заводов различного профиля, на территории области была сооружена знаменитая Днепровская гидроэлектростанция им. Ленина мощностью в 650 тысяч кВт.

Город и область были освобождены от немецкой оккупации в конце 1943 года. Еще осенью 1941 года многие из запорожских предприятий были эвакуированы на восток, некоторые, включая и ДнепроГЭС, взорваны. Небольшая часть предприятий, восстановленная оккупантами, была ими же уничтожена при отступлении, пятидневные уличные бои привели к разрушению большинства жилых домов. Однако восстановительные работы начались сразу же после освобождения города и области. И хотя восстановление заводов и фабрик Запорожской области шло в первое время очень медленно, все же к сентябрю 1946 года, когда Брежнев возглавил партийную организацию в Запорожье, огромная работа по восстановлению эконо-

мики области была уже проделана. После чтения очерка «Возрождение», с которого началась в конце 70-х годов публикация так называемых «Воспоминаний» Л. И. Брежнева, может сложиться впечатление, что Запорожье в конце 1946 года все еще лежало в руинах и что за восстановлением предприятий города и области наблюдал не Хрущев, а лично Сталин. Во всяком случае, имя Хрущева в очерке «Возрождение» не встречается ни разу. Но еще 13 октября 1946 года на страницах областной газеты «Большевик Запорожья» в большой статье «Три года творческого труда за возрождение Запорожской области» Брежнев писал: «Великая поддержка оказана области со стороны ЦК КП(б) и правительства Советской Украины во главе с верным соратником великого Сталина Никитой Сергеевичем Хрущевым. Повседневную заботу и помощь ощущают трудящиеся в своей работе со стороны ЦК ВКП(б), нашего Советского правительства и лично товарища Сталина».

Брежневу повезло. Уже через несколько месяцев после его появления в Запорожье дала первый ток Днепровская гидростанция, и все приветствия по этому поводу принимал новый секретарь обкома. А еще через несколько месяцев вступила в строй и первая очередь «Запорожстали». Конечно, и Брежнев вложил определенный труд в восстановление «Запорожстали» и ДнепроГЭСа. Однако наиболее сложным периодом в восстановительных работах на Украине были 1944–1945 годы, а не мирный 1947-й или конец 1946 года, когда во главе областной парторганизации стоял Брежнев. По свидетельству бывшего работника Министерства электростанций СССР И. С. Ставицкого, между Л. И. Брежневым и министром электростанций В. Н. Новиковым, который в первую очередь отвечал за восстановление ДнепроГЭСа, порой возникали недоразумения, так как Брежнев часто вмешивался в проведение работ на станции, но, не будучи специалистом, больше мешал, чем помогал делу. Однажды Новиков даже позволил Сталину и попросил его определить, кто же должен в первую очередь руководить работами на ДнепроГЭСе – министерство или обком. Сталин отдал предпочтение министерству. Вряд ли, однако, этот конфликт был столь острым, как писал в своих заметках И. С. Ставицкий. И с В. Н. Новиковым, и с И. Т. Новиковым, который также курировал крупнейшие хозяйственные и строительные объекты, у Брежнева позднее были хорошие отношения, и они назначались в 60–70-е годы на все более высокие посты в Совете Министров СССР.

В Запорожье Брежнев снова встретился с А. П. Кириленко, который в то время занимал пост второго секретаря обкома и остался на этом посту при Брежневе. Между ними не было в то время никаких конфликтов. Уже в Запорожье стал проявляться характерный для Брежнева стиль работы, который затем «совершенствовался» на всех этапах его политической карьеры. Брежнев отнюдь не перегружал себя делами. Практически все поручения он распределял между своими заместителями, заведующими секторами и отделами, оставляя за собой лишь одобрение или (что бывало крайне редко) неодобрение их предложений и разработок. Собственной инициативы Брежнев почти никогда не проявлял, его не переполняли разного рода идеи и проекты. Он был в гораздо большей степени пассивным, чем активным руководителем, но обычно не мешал проявлять активность своим подчиненным, конечно, в определенных и строго ограниченных пределах. Напряженная работа в области шла на более низких звеньях управления, на строительных площадках и в цехах, но не в кабинете первого секретаря обкома партии. В этом отношении стиль Брежнева резко контрастировал со стилем работы Хрущева. Тем не менее конфликтов между Хрущевым и Брежневым в те годы не возникало. Брежнев был предельно лоялен к Хрущеву, и поддержка со стороны последнего обеспечила быстрое возвышение и Брежнева, и Кириленко. Андрей Павлович Кириленко был избран в конце 1947 года первым секретарем Николаевского обкома КП(б)У, а Брежнев, награжденный за заслуги в восстановлении «Запорожстали» орденом Ленина, вернулся в Днепрпетровск, но уже как первый секретарь обкома.

22 ноября 1947 года жители Днепропетровска и области смогли прочитать в областной газете «Днепропетровская правда» следующее краткое сообщение: «21 ноября 1947 года состоялся пленум Днепропетровского обкома КП(б)У.

...Пленум освободил тов. Найденова П. А. от обязанностей первого секретаря обкома КП(б)У. Первым секретарем Днепропетровского областного комитета партии и членом бюро обкома пленум избрал тов. Брежнева Леонида Ильича.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП(б)У тов. Мельников Л. Г.».

Днепропетровская область являлась одной из крупнейших на Украине; по численности населения она была вдвое больше Запорожской. Эта область давно уже сформировалась как один из важнейших для всей страны центров металлургической и машиностроительной промышленности, здесь имелась и мощная электроэнергетическая база. Хотя городское население в области преобладало, значительное развитие получило и сельское хозяйство: большую часть зерна, мяса и овощей все крупные промышленные города области получали из расположенных рядом колхозов и совхозов.

В январе 1949 года на Украине был проведен очередной съезд республиканской парт-организации, на котором Брежнев и некоторые из его близких друзей и знакомых были избраны членами ЦК КП(б)У. Как в Запорожье, так и в Днепропетровске Брежнев показал себя не столько способным, сколько спокойным руководителем. Он не выступал ни с громкими речами, ни с громкими инициативами. Большую часть работы он перекладывал на аппарат обкома, считая, что каждый работник аппарата должен полностью отвечать за порученное ему дело. Брежнев не особенно часто вмешивался в работу подчиненных ему людей, не слишком придирчиво контролировал их. Он также редко наказывал, а тем более смещал со своих постов работников, которые проявляли лояльность к своему шефу, даже если в их работе что-то не ладилось. Он уже тогда был сторонником стабильности кадров, и нет ничего удивительного, что с того времени вокруг Брежнева стала собираться определенная группа людей, своеобразный клан Брежнева, в который входили и очень способные, и менее способные работники. Как ни странно, но именно мягкость, отсутствие обычной для партийных боссов того времени жесткости и даже жестокости, доброта, пусть и за счет дела, привлекали многих людей к Брежневу. Работать в аппарате Л. М. Кагановича, который временно оказался в 1947 году во главе Украины, было опасно. Работать в аппарате вспыльчивого и крайне активного Н. С. Хрущева было трудно. Вообще находиться у власти в конце 30-х, как и в конце 40-х годов, т. е. в годы самой жестокой террористической диктатуры Сталина, представлялось делом весьма рискованным. В этих условиях Днепропетровский, а ранее Запорожский обкомы могли казаться партийным и хозяйственным работникам областного масштаба островками либерализма и относительного спокойствия. В письме ко мне бывший первый секретарь Днепродзержинского горкома партии И. И. Соболев свидетельствует, что Брежнев был мягким и добрым руководителем, склонным к шутке, доступным для подчиненных. «На протяжении двух с половиной лет, – писал И. И. Соболев, – я имел возможность оценить качества Брежнева как человека и партийного деятеля. Заменял его в Днепропетровском обкоме А. П. Кириленко. Это были очень разные во всех отношениях люди. На смену обаянию, доброте, общительности, открытости, дружелюбию пришли надменность, отчужденность, замкнутость, сухость. Кириленко был неплохим руководителем, но его стиль и методы руководства отличались большей приверженностью к команде, администрированию». Соболев свидетельствует о том, что Хрущев неизменно покровительствовал Брежневу, а однажды избавил его от крупных неприятностей, когда в Днепропетровске в 1948 году была сооружена чрезмерно дорогая и помпезная выставка достижений промышленности и сельского хозяйства области. Для проверки поступивших в Москву «сигналов» в город прибыла бригада ЦК ВКП(б) во главе с Маленковым. Хрущев позвонил Сталину и сказал, что выставка проводилась по его, Хрущева, указанию, приняв таким образом вину на себя.

Мы уже говорили о Грушевом, Кириленко, Алферове и некоторых других. Все они продолжали работать в 1947–1950 годах на Украине. В Запорожье Брежнев близко познакомился с талантливым инженером и хозяйственником В. Э. Дымшицем, который непосредственно руководил восстановлением запорожских металлургических заводов. Трудно предположить, что Брежнев не был знаком в конце 40-х годов с такими молодыми партийными работниками из Днепропетровской области, как Г. С. Павлов или В. В. Щербицкий, которые в разное время работали на постах второго и первого секретарей Днепродзержинского горкома партии. В Днепропетровске и в Днепродзержинске начиналась хозяйственная и партийная карьера и многих других видных деятелей советской хозяйственной и партийной администрации 60–70-х годов, к которым мы еще вернемся.

Когда Л. И. Брежнев был избран первым секретарем Днепропетровского обкома партии, промышленность области уже достигла в основном довоенного уровня производства. Теперь, после восстановления и реконструкции, заводы и фабрики Днепропетровщины быстро наращивали производство. Относительно быстро восстанавливался и городской жилищный фонд, застраивался новыми и характерными для послевоенной эпохи помпезными зданиями центр Днепропетровска. Успешно развивалось и сельское хозяйство области. Не только в республиканской, но и в центральной прессе можно было встретить материалы о трудовых успехах предприятий Никополя, Кривого Рога, Днепродзержинска и других городов Днепропетровской области. Правда, появлялись в печати и отдельные публикации о злоупотреблениях – даже об элементах коррупции – на некоторых предприятиях и в районах области. Меры принимались, причем не слишком суровые, и хотя в газетах можно было прочесть, что отдельные нарушители трудовой и финансовой дисциплины находили поддержку и покровительство в обкоме партии, репутация Брежнева как умелого и хорошего руководителя не пострадала.

Еще в конце 1949 года Н. С. Хрущев был избран одним из секретарей ЦК ВКП(б) и одновременно руководителем Московской партийной организации. В составе Политбюро Хрущев входил в группу наиболее близких к Сталину партийных деятелей. На торжественном заседании в Большом театре, посвященном 70-летию Сталина, по правую руку юбиляра сидел Мао Цзэдун, а по левую – Хрущев. Разумеется, находясь в Москве и расширяя здесь свою политическую базу, Хрущев старался сохранить и укрепить свою прежнюю политическую базу на Украине. Группу Брежнева Хрущев мог тогда с полным основанием считать своим прочным политическим союзником.

Как раз в 1949–1950 годах большое неудовлетворение и резкую критику в Москве вызывало положение дел в Молдавской ССР. Молдавия лишь сравнительно недавно стала союзной республикой. Как территория, так и население современной Молдовы складывались в результате сложных и болезненных процессов, и в частности в результате борьбы между Российской, Австрийской, Турецкой (Оттоманской) империями и Польшей, а позднее между Россией, а затем СССР, и Румынией. Еще по Ясскому мирному договору 1791 года к России отошла левобережная (по реке Днестр) часть Молдавии. Однако новая русско-турецкая война 1806–1812 годов все изменила. По Бухарестскому мирному договору 1812 года восточная часть Молдавии, лежащая между реками Днестр и Прут, отошла к России. Здесь была образована Бессарабская область (с 1873 г. – губерния), одна из наиболее бедных в Европейской России. В январе-марте 1918 года, воспользовавшись трудным положением РСФСР и Украины в годы гражданской войны, Румыния аннексировала Бессарабию. Советская власть была установлена лишь в левобережной Молдавии, где в 1924 году образовалась Молдавская АССР, входившая тогда в состав Украины. Это была сравнительно небольшая республика, в которой в 1939 году проживало примерно 800 тысяч человек, причем лишь около 30 % из них были молдаванами. В 1940 году в условиях уже начавшейся второй мировой войны Румыния вынуждена была подчиниться требованию СССР и освободить Бессарабию. Часть районов Молдавской АССР и южных уездов Бессарабии вошли в состав Украины, так как здесь преобладало

украинское население. На остальной территории Молдавской АССР и Бессарабии в августе 1940 года была образована Молдавская ССР. Однако Советская власть в Молдавии продержалась недолго. Уже в конце июля 1941 года вся территория Молдавии была захвачена немецкими и румынскими войсками. Лишь через три года, в августе 1944-го, в результате знаменитой Ясско-Кишиневской операции вся Молдавия была освобождена от оккупантов. 24 августа Румыния объявила войну Германии, а 12 сентября подписала в Москве соглашение о перемирии с государствами – членами антигитлеровской коалиции. Молдавская ССР была восстановлена. Вся основная работа по «советизации» Молдавии, или социалистическому переустройству, была закончена еще в годы первой послевоенной пятилетки. Серьезного сопротивления эти реформы не встретили, так как большая часть молдавской и румынской буржуазии бежала на Запад еще перед вступлением сюда Красной Армии. В 1948 году в Молдавии был достигнут довоенный уровень промышленного производства, в то время как восстановление сельского хозяйства шло гораздо медленнее, затягивалась и коллективизация. При этом надо отметить, что здесь и в прошлом никогда не было ни высокоразвитой промышленности, ни высокоразвитого сельского хозяйства. По многим показателям Молдавия прочно занимала одно из последних мест в Союзе.

По своему экономическому потенциалу Молдавия уступала даже Днепропетровской области, в которой ранее работал Брежнев. В Молдавии почти не было крупной промышленности, основу экономики в республике составляло сельское хозяйство. В 1950 году в Молдавии проживало 2,3 миллиона человек, главным образом молдаване. В некоторых западных биографиях Брежнева говорилось, что он был направлен в Молдавию, чтобы завершить здесь коллективизацию сельского хозяйства. Но это неверно. Еще в сентябре 1948 года ЦК ВКП(б) принял решение «О колхозном строительстве в правобережных районах Днестра Молдавской ССР», на основании которого темпы коллективизации в Молдавии были решительно ускорены. В феврале 1949 года II съезд Компартии Молдавии постановил, что «социалистическое переустройство сельского хозяйства – главная задача Молдавской партийной организации»²⁵. Именно в 1949 году и происходила главным образом коллективизация сельского хозяйства в Бессарабии. К концу этого года в правобережной части Молдавии 1747 колхозов объединяли 368,8 тысячи, или 80,7 % крестьянских дворов и более 85 % пахотных земель. В 1950 году уже в первые три месяца в артели вступило еще 33,3 тысячи дворов, что подняло уровень коллективизации до 89,5 %. К концу 1950 года в правобережных районах республики было объединено 96 % хозяйств, и коллективизация практически завершилась²⁶. Это была отнюдь не мирная акция. И в 1948-м и в 1949 годах в Молдавии проводилась одновременно с коллективизацией жестокая кампания раскулачивания. Заодно из республики выселялись на восток и так называемые «классово чуждые» элементы. Под эту категорию попадали тысячи людей, которые в какой-то, даже очень отдаленной степени были связаны с прежним румынским режимом, как будто можно было жить и работать в румынской Бессарабии и не иметь никакого отношения к тогдашним румынским властям. События того времени в Молдавии правдиво и откровенно описаны в повести Иосифа Герасимова «Стук в дверь»²⁷. Именно после проведения в республике – как в городе, так и на селе – всех этих характерных для того времени кампаний в Молдавии сложилась трудная и с политической, и с экономической точки зрения ситуация, которая потребовала смены руководства.

Сталин спросил Хрущева, кого было бы лучше направить в Молдавию, и Никита Сергеевич назвал Брежнева. Уже весной 1950 года Брежнев прибыл в Кишинев, вначале лишь как представитель ЦК ВКП(б), которому было поручено ознакомиться с положением в республике

²⁵ Советская Молдавия. 1949. 6 февраля.

²⁶ История СССР. 1984. № 2. С. 51–52.

²⁷ Октябрь. 1987. № 2.

и оказать помощь ее руководителю Н. Г. Ковалю. В июле 1950 года Брежнев побывал во многих районах Молдавии, и тогда же пленум ЦК КП(б) Молдавии избрал его Первым секретарем ЦК Молдавской партийной организации. В представлении ЦК ВКП(б), которое зачитывалось на пленуме, говорилось: «Товарищ Брежнев в партии свыше 20 лет, молодой сравнительно товарищ, сейчас в полной силе, он землеустроитель, металлург, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство, что доказал на протяжении ряда лет работой в качестве первого секретаря обкома. Человек опытный, энергичный, моторный, прошел всю войну, у него есть звание генерала и руку он имел твердую»²⁸.

Сам Брежнев в своих «Воспоминаниях» не склонен соглашаться с той частью этой характеристики, где речь идет о «твердой руке». Мы уже говорили выше, что Брежнев никогда не был «твердым» или «жестким» руководителем, какими были или становились большинство партийных руководителей в сталинские годы. В очерке «Молдавская весна», опубликованном уже после смерти Брежнева, можно прочесть: «Скажу, что насчет твердой руки у меня были свои соображения, и существенных изменений они с той поры не претерпели. Командовать в партийной да и в любой другой работе не стремился и не стремлюсь. Отмечаю это потому, что, к сожалению, и в моей практике приходилось сталкиваться с руководителями, которые, не вникнув в суть, видя только внешнюю сторону фактов и явлений, скользя, как говорят, по поверхности, по их внешней оболочке, спешили поскорее приказать, указать, сделать оргвыводы»²⁹.

И действительно, приняв руководство Компартией Молдавии, Брежнев не стал проводить здесь никаких крутых перемен ни в кадрах, ни в методах, ни в основных направлениях работы. Так, на посту председателя Госплана остался работать недавний руководитель республики Н. Г. Коваль. Из своих старых друзей Брежнев пригласил работать в Молдавию очень немногих, среди них Н. А. Щелокова, который был назначен в 1951 году первым заместителем Председателя Совета Министров Молдавской ССР. Остальные бывшие сотрудники Брежнева остались на Украине, и в частности в Днепропетровске, где первым секретарем обкома стал А. П. Кириленко. Не порывая связей со своими украинскими коллегами, Брежнев приобрел теперь немало преданных ему сотрудников и друзей в Молдавии.

В первую очередь мы должны назвать Константина Устиновича Черненко. Когда Брежнев возглавил ЦК Компартии Молдавии, Черненко уже два года занимал пост заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК. Уже один тот факт, что Брежнев имел звание генерал-майора и провел в действующей армии всю войну, должен был оказать на Черненко большое влияние. Конечно, и 39-летний Черненко имел военный билет. Но в нем могло быть записано только одно: «лейтенант запаса, состав политический». На войне этот здоровый и сильный тогда сибиряк не пробыл ни дня. Учитывая дальнейшую роль Черненко в судьбе и окружении Брежнева, следует более подробно рассказать об этом человеке, родившемся в сентябре 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края.

Он вырос в бедняцкой семье, учился в сельской школе, рано вступил в комсомол и уже в 18-летнем возрасте стал заведующим отделом агитации и пропаганды Новоселовского райкома комсомола Красноярского края. Однако Черненко недолго пришлось ездить на телегах по селам и деревням своего района. Согласно официальной биографической справке, в 1930 году К. У. Черненко «пошел добровольцем в Красную Армию». У человека, хорошо знающего историю нашей страны, такая фраза может породить немало вопросов. В армию и на флот шли у нас в 30-е годы молодые люди по комсомольским путевкам или на основе всеобщей воинской обязанности. В годы войны добровольцами шли в армию молодые люди, не достигшие призывного возраста, молодые женщины, люди более старших возрастов, имевшие по каким-

²⁸ Брежнев Л. И. Молдавская земля // Новый мир. 1983. № 1. С. 4.

²⁹ Брежнев Л. И. Молдавская земля // Новый мир. 1983. № 1. С. 4.

либо причинам освобождение от военной службы. Но в 1930 году Советский Союз не вел никаких войн, если не считать начавшейся в деревне войны с кулачеством, которое имело поддержку и многих середняков. Именно в первые месяцы 1930 года в деревнях страны происходили драматические события, вызванные поспешной сплошной коллективизацией, которые привели в растерянность даже Сталина, как это видно из его статьи «Головокружение от успехов». По сравнению с сельским райкомом комсомола военная казарма в середине 1930 года была гораздо более спокойным местом. Тем более что Черненко удалось провести самые трудные для всех наших деревень 1930–1932 годы в относительно привилегированных и хорошо обеспеченных пограничных войсках. Черненко служил в одном из погранотрядов на южной границе, и несколько раз ему все же пришлось услышать свист пуль над своей головой да и отвечать на огонь. Здесь в 1931 году он и был принят в ряды Коммунистической партии.

После окончания службы в армии Черненко стал работать в аппарате партийных органов Красноярского края: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского райкомов партии, директором Красноярского дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, одним из секретарей Красноярского крайкома партии. В 1941–1942 годах большая часть кадровых работников Красноярского крайкома партии ушла на фронт. Но среди них не было Черненко, он как-то не спешил «записаться добровольцем». Конечно, и в тылу у партийных работников было немало трудных обязанностей. Но за плечами Черненко все же был трехлетний опыт кадрового военного и даже некоторый боевой опыт. И если бы он настаивал, то был бы, конечно, направлен в политические органы действующей армии. В годы войны партия продолжала заботиться о подготовке партийных кадров. Поэтому в Москве работала Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Туда направляли и партийных работников, непригодных к строевой службе, и политработников с фронта, получивших тяжелые ранения и освобожденных от военной службы. В этой же школе в 1943–1945 годах, т. е. в самый разгар войны, учился и Черненко. С середины 1945 года Черненко стал работать в Пензенской области секретарем обкома партии по пропаганде и агитации. В 1948 году был переведен в Молдавию в качестве заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) республики. В Молдавии Черненко смог, наконец, получить высшее образование – он заочно закончил Кишиневский педагогический институт. Можно предположить, что для ответственного партийного работника заочно учиться в педагогическом институте, который даже подчинялся ему по партийной линии, не составляло большого труда. Гораздо большее значение для не особенно успешной карьеры Черненко имела его встреча с новым Первым секретарем ЦК Компартии Молдавии Л. И. Брежневым. В лице Черненко Брежнев нашел не слишком образованного, но достаточно умного и верного помощника. Черненко же нашел в лице Брежнева отзывчивого и даже доброго шефа.

Еще одним сотрудником Брежнева в Молдавии стал Сергей Павлович Трапезников, возглавлявший с 1948 года в Кишиневе Высшую партийную школу. Трапезников – выходец из бедной рабочей семьи – родился в 1912 году в Астрахани. Однако, согласно официальной биографической справке, Трапезников начал свою трудовую деятельность батраком в кулацких хозяйствах. Но уже с 17-летнего возраста он работает в комсомольских организациях Средне-Волжского края и трудится здесь с 1929 по 1934 год, хотя и не занимает никаких значительных постов. С 1935 года в течение десяти лет Трапезников находится на сравнительно скромных должностях в Пензенском обкоме партии. В официальной биографии Трапезникова сообщается, что в 1946 году он закончил экстерном Московский педагогический институт им. В. И. Ленина и Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), а в 1948 году также и Академию общественных наук при ЦК ВКП(б). Пять лет интенсивной учебы в Высшей партийной школе и в Академии общественных наук в середине 40-х годов не могли дать молодому партийному работнику никаких серьезных знаний ни в области марксизма, ни в области общественных наук, ни в истории, ни в философии, но могли воспитать упорного и самоуверенного догматика

и сталиниста, каковым Трапезников и показал себя во всей дальнейшей научной и политической карьере. Обучение в АОН заканчивалось обычно защитой диссертации получением степени кандидата наук. С этим багажом Трапезников и появился в 1948 году в Молдавской ССР. С Черненко у Трапезникова установились хорошие отношения, хотя, имея в своем портфеле несколько дипломов, Трапезников мог считать Черненко недоучкой. Когда в Кишинев приехал Брежнев, он нашел в Трапезникове не только помощника, но и своеобразного идеологического наставника. Брежнев никогда не считал себя знатоком общественных наук и охотно прибегал к консультациям у такого крупного по кишиневским масштабам ученого, как Трапезников.

Немалое значение для Брежнева имело знакомство с Семеном Кузьмичом Цвигуном. Цвигун принадлежал к более молодому поколению, чем Черненко и Трапезников. Он родился в 1917 году, и в 1937 году после окончания Одесского педагогического института стал работать учителем средней школы. В 1939 году, когда проводилась очередная большая смена кадров НКВД, Цвигун перешел на работу в органы и в качестве чекиста находился в 1941–1945 годах в Красной Армии. Можно предположить, что Цвигун и Брежнев встречались еще до 1950 года, так как Цвигун женился на двоюродной сестре жены Брежнева. С 1951 года С. К. Цвигун работал в Молдавии заместителем министра государственной безопасности этой небольшой республики.

В Молдавии возникли деловые и дружеские связи Брежнева и с такими партийными работниками, как Иван Иванович Бодюл. Бодюл был почти ровесником Цвигуна. В 1940 году он вступил в КПСС, и с этого времени началась его партийная карьера: с 1951 по 1958 год он находился на партийной работе в Молдавии, в 1958–1959 годах работал в аппарате ЦК КПСС. В 1959 году Бодюла избрали вторым секретарем ЦК КП(б) Молдавии, а с мая 1961 года он занял пост Первого секретаря ЦК Молдавской парторганизации. В том же году он стал членом ЦК КПСС. Когда с середины 50-х годов многие из молдавских сотрудников стали появляться на различных ответственных постах в Москве, то в аппарате ЦК КПСС их полушутя называли «цыганами». Как известно, в Бессарабии в свое время вынуждены были останавливаться таборами большие цыганские семьи, так как там проходила черта оседлости.

Ни обстановка в стране в 1950 году, ни личные особенности Брежнева как партийного и политического руководителя не могли привести к каким-то существенным изменениям в социальной и экономической жизни Молдавии. И все же Брежневу повезло. После двух засушливых лет ситуация в республике изменилась. Прошли обильные дожди, и уже в 1950-м, а затем и в 1951 году был собран рекордный по тем временам урожай не только зерна, но также овощей и фруктов, которые надо было перерабатывать на месте. Поэтому одной из главных забот нового руководителя республики стало развитие пищевой индустрии Молдавии. С этой целью были расширены посевы сахарной свеклы, площади садов и виноградников. При участии и по инициативе ЦК КП(б) Молдавии Совет Министров СССР в феврале 1952 года принял постановление «О мерах по! дальнейшему развитию пищевой промышленности Молдавии». Наряду с пищевой индустрией в Молдавии стали возникать и первые предприятия по таким отраслям, как машиностроение, электротехника, приборостроение. Продолжалось восстановление и развитие городов, пострадавших в годы войны и оккупации. В ЦК ВКП(б) были довольны положением дел в республике, и Брежнев получил предложение выступить в центральной печати. В сентябре 1952 года в главном теоретическом журнале партии «Большевик» была опубликована статья Л. Брежнева «Критика и самокритика – испытанный метод воспитания кадров»³⁰. Разумеется, и Черненко, и Трапезников помогали в подготовке этого первого выступления Брежнева в журнале «Большевик».

Брежнев теперь нередко бывал в Москве. Весной 1950 года он был избран депутатом Верховного Совета СССР и в июне 1950 года провел несколько дней в столице, участвуя в

³⁰ Большевик. 1952. № 17.

первой сессии Верховного Совета нового созыва. Можно предположить, что Брежнев встречался в эти дни не только со своим другом П. Н. Алферовым, но и с Н. С. Хрущевым. На той же сессии присутствовали А. П. Кириленко, А. А. Гречко, а также некоторые другие друзья и добрые знакомые Брежнева. Хотя сессии Верховного Совета проводились редко и продолжались недолго и их официальная часть имела лишь ритуальный характер, тем не менее эти сессии создавали возможность для множества неофициальных встреч партийных и советских руководителей из всех регионов страны.

Осенью 1952 года по всей стране началась активная подготовка к XIX съезду ВКП(б), первому съезду партии за 13 лет. Разумеется, Брежнев как Первый секретарь ЦК Компартии Молдавии был избран одним из делегатов XIX съезда. И он заранее знал, что ему придется выступить с речью на одном из заседаний съезда. Съезд КПСС (так стала называться партия после XIX съезда) начался 5 октября 1952 года и продолжался десять дней. Брежнева избрали членом мандатной комиссии съезда, и на четвертый день он выступил на одном из заседаний. Добросовестно перечислив достижения послевоенной Молдавии, он в осторожной форме предложил увеличить капиталовложения в промышленность республики и, как и все делегаты, воздал хвалу «великому вождю» за его заботу о всех народах Советского Союза. На одном из приемов в дни съезда Сталин впервые обратил внимание на Брежнева, хотя это еще никак нельзя назвать их первой встречей. Старый и больной Диктатор приметил крупного, высокого и хорошо одетого 46-летнего Брежнева. Сталину сказали, что это партийный руководитель Молдавии. «Какой красивый молдаванин», – произнес Сталин и отошел в сторону.

XIX съезд партии избрал новый ЦК КПСС в составе 126 членов. Не было ничего удивительного, что среди них была и фамилия Брежнева: в состав ЦК вошли руководители всех союзных республик. Странные события начали происходить во время первого пленума нового ЦК. На первом же организационном пленуме Сталин извлек из кармана бумажку и зачитал список членов ЦК, которых он предлагал в Президиум (по новому Уставу партии Политбюро стало называться Президиумом) и Секретариат ЦК КПСС. Эти списки, значительно расширившие состав высших органов партии, были утверждены. В Президиум ЦК было избрано 25 членов и 11 кандидатов, а в Секретариат – 10 членов. Для Брежнева было полной неожиданностью, что его имя оказалось и в списке секретарей ЦК КПСС, и в списке кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС. В списке кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС оказался и А. Н. Косыгин, с которым Брежнев, вероятно, познакомился еще раньше на сессиях Верховного Совета СССР. Среди членов Президиума и Секретариата был также и М. А. Суслов. Западные биографы считают, что включением в списки Президиума и Секретариата Брежнев был обязан протекции Хрущева. Но сам Хрущев в своих воспоминаниях, опубликованных на Западе, решительно утверждает, что не имел никакого отношения к появлению этих расширенных сталинских списков, что они были для него полной неожиданностью. В свете последующих событий стало очевидно, что Сталин стремился таким образом как бы растворить узкий состав прежних «вождей» в относительно большой группе новых руководителей, некоторых из которых Сталин, в сущности, не знал. Так, например, он никогда раньше не встречался и не беседовал с Брежневым, не приглашал его на свои обеды и ужины на дачу под Москвой или на юге.

Положение Брежнева оказалось довольно двусмысленным. Как кандидат в члены Президиума ЦК КПСС он мог бы вернуться в Кишинев; в составе Президиума оказались и некоторые другие руководители союзных республик, например, Л. Г. Мельников из Киева или Н. С. Патоличев из Минска. Но Брежнев был избран также и в Секретариат, а секретари ЦК КПСС должны руководить текущей работой всей партии, это партийная должность, где надо каждый день являться на службу. Разумеется, Брежневу пришлось остаться в Москве, ему была выделена квартира в столице, а также кабинет в здании ЦК КПСС. На праздновании 35-й годовщины Октября 7 ноября 1952 года Брежнев первый раз в своей жизни поднялся на

верхнюю трибуну Мавзолея, где он стоял среди других высших руководителей партии и государства. Однако Сталин так и не собрал ни разу заседание нового Президиума ЦК. Он продолжал руководить страной через полуофициальное Бюро Президиума ЦК из девяти человек и еще чаще через «пятерку» главных членов Президиума ЦК, в которую он включил тогда лишь Маленкова, Берию, Булганина, Хрущева и себя самого. Новым членам Президиума ЦК и новым секретарям ЦК не были определены даже какие-либо конкретные обязанности, и новый Секретариат также не собирался в своем полном составе, ибо Сталин предпочитал решать все государственные и партийные вопросы единолично.

Фактически Брежнев, занимая формально самые высокие посты в государстве, на какое-то время оказался не у дел, или, как он сам позднее шутил, стал «безработным». Хотя он и был освобожден от поста Первого секретаря ЦК КП Молдавии «в связи с переходом на новую работу», тем не менее продолжал оставаться членом бюро ЦК КП Молдавской парторганизации. Но в Молдавию не вернулся. Он приехал поздней осенью 1952 года в Днепропетровск, где у него было множество знакомых и где в Днепропетровском металлургическом институте учился его сын Юрий. Поселился он в доме работников обкома партии, но часто навещал сына племянницу Риту, которые жили в другом, заводском доме, встречался с друзьями Юрия, устраивая иногда небольшие вечера для окружавшей сына молодежи. Брежнев не отличался особыми способностями, учился неважно, и, когда на 4-м курсе он подал заявление о приеме в члены КПСС, комсомольская организация отказала ему в рекомендации «из-за слабой общественной активности». Но Юрия приняли в партию и без этой рекомендации. Кстати, он так и не стал металлургом, а сразу после окончания института поступил в Москве в Академию внешней торговли. Но это было уже позже, когда после смерти Сталина положение его отца изменилось.

Как мы знаем, на следующий день после смерти Сталина были упразднены как расширенный Президиум ЦК КПСС, так и расширенный Секретариат ЦК.

В новом составе Президиума ЦК осталось только 10 членов и четыре кандидата. 22 человека, включая и Брежнева, были выведены из состава Президиума ЦК, куда они входили лишь номинально. Секретариат ЦК состоял теперь из пяти человек, среди которых также не было Брежнева.

В марте 1953 года Брежнев был назначен заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и ВМФ. Предполагалось, что Брежнев будет руководить политической работой на флоте, но это вызвало, однако, недовольство Н. Г. Кузнецова, недавнего министра ВМФ, а после ликвидации этого министерства – главнокомандующего Военно-Морскими Силами. Кузнецова раздражало, что к нему присылают человека из армии, совершенно незнакомого со спецификой работы в Военно-Морском Флоте. Брежнев, которому присвоили теперь очередное звание генерал-лейтенанта, снова надел военную форму, но в Политуправлении почти не работал и все лето 1953 года опять провел в Днепропетровске. Он выполнял лишь отдельные поручения своего прямого начальника в ГлавПУР генерал-полковника А. С. Желтова.

Как и Брежнев, Желтов провел всю войну на фронте, но на более высоких должностях – как член Военного совета различных фронтов. Это был профессиональный военный, служивший в армии с 1924 года. В 1937 году он окончил Военную академию им. Фрунзе, в 1938 году – Военно-политические курсы, к началу войны был членом Военного совета Приволжского военного округа. После войны А. С. Желтов остался на военно-политической работе. Он пережил Брежнева и до 1981 года возглавлял Советский комитет ветеранов войны. Брежнев всегда сохранял с Желтовым хорошие отношения, и подпись Брежнева стояла в 1978 году под указом о присвоении генерал-полковнику А. С. Желтову звания Героя Советского Союза. Работа в ГлавПУРе под руководством Желтова дала Брежневу не только укрепить свои прежние связи среди высших военных командиров, но и приобрести новые.

В последние месяцы 1953 года в центре внимания ЦК КПСС находились проблемы сельского хозяйства. Стране не хватало продовольствия, и прежде всего зерна. После ряда совещаний и обсуждений Хрущев, занявший после смерти Сталина пост Первого секретаря ЦК КПСС, пришел к выводу, что для быстрого увеличения производства зерна в стране необходимо распахать большие массивы целинных земель как в северных районах Казахстана, так и в южных областях Западной Сибири. Не все члены Президиума ЦК КПСС разделяли это мнение. Против распахивания целинных и залежных земель в Казахстане решительно возражали Первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. Шаяхметов и второй секретарь И. И. Афанов. Огромные площади Северного Казахстана использовались как пастбища. Было очевидно также, что образование здесь новой зерновой базы страны приведет к изменению национального состава республики. Но большинство членов Президиума ЦК все же поддержали Хрущева. Стало очевидно, что во главе республиканской партийной организации нужно поставить новых людей. Председатель Совмина СССР Г. М. Маленков предложил рекомендовать Первым секретарем ЦК Казахстана П. К. Пономаренко. На пост второго секретаря Хрущев предложил Л. И. Брежнева. Эти рекомендации были приняты. В жизни Брежнева начинался новый период.

«Поднятая целина». Л. И. Брежнев и Н. С. Хрущев в 1954–1964 годах

Лишь формально занимая пост заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии и ВМФ, Л. И. Брежнев не принимал никакого участия в драматических событиях 1953 года. Маленков в то время был мало знаком с Брежневым, но Хрущев не забывал о нем и ждал только повода, чтобы выдвинуть Леонида Ильича и тем самым укрепить свою «команду». Такой повод скоро представился.

В «Воспоминаниях» Л. И. Брежнева можно прочесть: «Целина прочно вошла в мою жизнь. А началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые, и новостью было то, что массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная – этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П. К. Пономаренко»³¹.

В этом отрывке Брежнев не скрывает, что новое поручение было для него полной неожиданностью. Но он не пишет, что вызвал его в ЦК КПСС Хрущев и что вся упомянутая здесь беседа происходила именно с ним. Брежнева не спрашивали о согласии, это был приказ, и он должен был его выполнять. Сроки действительно были самые сжатые, не было времени даже познакомиться с реальными условиями целинного земледелия, определить научные основы столь грандиозного проекта. Это было время, когда еще было возможно без всяких серьезных обоснований сменить партийное и государственное руководство союзной республики и направить туда в качестве руководителей двух партийных работников, которые не только не были казахами по национальности, но и никогда раньше не бывали в Казахстане, не знали его населения, его обычаев, его экономики.

В первое время главным, конечно, был П. К. Пономаренко. В начале 1954 года он являлся еще кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. Это был очень умный, деятельный и жесткий партийный работник, типичный для высшего эшелона сталинского аппарата. Простой рабочий и комсомольский активист, окончивший рабфак, а затем и Московский институт инженеров транспорта, в 1932 году он был направлен в Красную Армию. Пономаренко прослужил в армии на командных должностях пять лет, однако даже в советских военных энциклопедиях не указы-

³¹ Брежнев Л. И. Целина. М., 1978. С. 7–8.

вается где и кем. Почти сразу же после демобилизации Пономаренко начал работать инструктором ЦК ВКП(б), а еще через несколько месяцев он был назначен заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Это был 1937 год, самый злоедейский год «великого террора», и именно отдел руководящих кадров вместе с НКВД являлся одним из важнейших инструментов этого террора. Нелишне напомнить, что во главе этого отдела стоял тогда Г. М. Маленков. Одной из партийных организаций, в разгроме которой Маленков принимал непосредственное и личное участие еще в 1936–1937 годах, была Белорусская парторганизация. Можно не сомневаться, что на последних этапах этой жестокой чистки Пономаренко активно помогал Маленкову. Поэтому летом 1938 года, когда партийная организация Белоруссии сократилась уже более чем наполовину, а в аппаратах ЦК КП(б) Белоруссии и обкомов партии, а также в СНК республики уже почти не осталось работников, именно Пономаренко был назначен Первым секретарем ЦК КП(б)Б. Он немало сделал для того, чтобы создать новый аппарат власти для республики, положив начало весьма влиятельной «белорусской группе», о которой мы еще будем говорить в дальнейшем.

Во время войны П. К. Пономаренко входил в состав военных советов Западного, Центрального и Брянского фронтов, сохраняя также и пост Первого секретаря ЦК КП(б)Б. Как известно, именно в Белоруссии партизанское движение приняло наиболее широкий размах. Для координации и руководства партизанским движением на всех оккупированных территориях 30 мая 1942 года в Москве был создан Центральный штаб партизанского движения, который подчинялся Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником этого штаба стал Пономаренко, получивший в 1943 году звание генерал-лейтенанта. Он немало потрудился над развертыванием партизанского движения, и не только в Белоруссии. В середине 1944 года Пономаренко вернулся к исполнению обязанностей Первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, заняв также и пост Председателя Совета Народных Комиссаров БССР.

В 1948 году, когда позиции Маленкова в окружении Сталина стали укрепляться, Пономаренко перебрался в Москву уже как один из секретарей ЦК ВКП(б). В Политбюро именно Маленкову Сталин поручил общее руководство сельским хозяйством, хотя Маленков имел о нем лишь самые поверхностные знания. Сталинская администрация делала главный упор не на производство, а на заготовки сельскохозяйственных продуктов, и Пономаренко, оставаясь секретарем ЦК ВКП(б), был назначен также и министром заготовок СССР. После XIX съезда Пономаренко вошел в состав расширенного Президиума ЦК КПСС, но в марте 1953 года он был выведен из Президиума, хотя и остался кандидатом в члены этого высшего органа партийного руководства. Состав Совета Министров СССР в эти месяцы был также сокращен, а министерство заготовок ликвидировано. Тем не менее, по рекомендации Маленкова П. К. Пономаренко был назначен на пост министра культуры. Надо сказать, что, по свидетельству всех людей, знавших Пантелеймона Кондратьевича, он был человеком очень образованным, и потому назначение его министром культуры не вызвало никаких кривотолков. Но если Маленков явно благоволил к Пономаренко, то Хрущев относился к нему резко отрицательно и явно не хотел оставлять его в группе руководящих работников в Москве. (Сын Никиты Сергеевича, Сергей Хрущев, с которым отец часто беседовал на политические темы, и сейчас считает отношение Хрущева к Пономаренко довольно необычным. Как рассказывал автору книги Сергей Никитич, его отец обычно аргументировал свое отношение к тому или иному человеку, приводил разного рода конкретные факты. Между тем от разговоров о Пономаренко он уклонялся, ограничиваясь общими словами.)

Решение направить Пантелеймона Кондратьевича в Казахстан вряд ли открывало для него какие-то особые возможности. Иное дело Л. И. Брежнев. Новое назначение было для него переходом от фактического прозябания в Политуправлении Советской Армии и ВМФ к активной политической и хозяйственной деятельности. После недолгих сборов 52-летний Пономаренко и 47-летний Брежнев вылетели в Алма-Ату.

В сущности, у них не было ни времени, ни возможности познакомиться с республикой, ее проблемами и кадрами, так как уже 5 февраля 1954 года в Алма-Ате начал работу 9-й пленум ЦК КП Казахстана. Этот пленум обсудил вопрос «о ходе дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и принял постановление, главным пунктом которого являлся, естественно, пункт о подъеме целинных земель. Ни Пономаренко, ни Брежнев не выступали на этом пленуме, который тем не менее избрал по рекомендации ЦК КПСС П. К. Пономаренко Первым секретарем, а Л. И. Брежнева вторым секретарем ЦК КП Казахстана. Одновременно были освобождены от этих постов Д. Шаяхметов и И. Афионов. Еще через десять дней в Алма-Ате был досрочно созван VII съезд Компартии Казахстана, который ввел Пономаренко и Брежнева в состав ЦК КП Казахстана и признал работу прежнего руководства республики в области сельского хозяйства неудовлетворительной. Съезд одобрил политику по освоению целинных земель, хотя это и вызывало недовольство части казахского населения.

Руководить такой республикой, как Казахстан, да еще в 1954–1955 годах было нелегким делом. Как союзная республика Казахстан был образован только в 1936 году, до этого он входил в состав РСФСР как автономная республика. После Российской Федерации Казахская ССР была самой обширной по территории союзной республикой, занимая 2,72 миллиона квадратных километров. В 1950 году в республике проживало 6,6 миллиона человек, в подавляющем большинстве это были казахи. В годы войны экономика Казахстана значительно укрепилась, так как сюда были эвакуированы сотни предприятий из западных районов СССР, и после войны многие из этих предприятий остались в Казахстане вместе с частью кадровых работников. Сельское хозяйство республики развивалось более медленно, хотя война дала толчок и здесь: потеря Украины и части Северного Кавказа вынуждала расширять посевные площади на востоке страны. Если в 1936 году вся посевная площадь в Казахстане составляла 5,3 миллиона гектаров, то в 1953 году посевные площади всех сельскохозяйственных культур республики равнялись 9,7 миллиона гектаров. Казахстан был, однако, в середине 50-х годов особой республикой. Еще в 30-е годы здесь развернулось грандиозное по масштабам строительство «исправительно-трудовых» лагерей. После Колымы и Дальнего Востока Казахстан был основным районом сосредоточения сталинских лагерей. Еще не было XX съезда, еще не было массовых реабилитаций, и, вероятно, не менее 1,5–2 миллионов заключенных томились за колючей проволокой на его территории. В годы войны обширные и малонаселенные районы этой республики стали местом ссылки для части опальных народностей Поволжья и Северного Кавказа. Немцы Поволжья, чеченцы, ингуши и некоторые другие жили здесь в спецпоселениях, лишённые элементарной свободы передвижения. После смерти Сталина во всех этих лагерях, тюрьмах, спецпоселениях и среди ссыльных иных категорий возросло недовольство и волнение...

Как показал VII съезд Компартии Казахстана, в республике нужно было бы не только поднимать целинные земли, но и принимать меры к укреплению и улучшению сельского хозяйства на старопахотных землях. Общий кризис сельского хозяйства в 1950–1953 годах затронул и Казахстан, показатели многих отраслей здесь были ниже, чем в довоенном 1940 году, а иногда даже ниже, чем в 1913 году.

Огромную работу предстояло провести уже в 1954 году. Первый период освоения целины и в те годы, и сегодня сравнивают обычно с «битвой», «сражениями», которые и по масштабам, и, к сожалению, по напряжению сил вполне сравнимы со сражениями недавно окончившейся войны. Распределение обязанностей в Центре в основном сложилось сразу же – в начале 1954 года. Главное командование принял на себя Н. С. Хрущев. Он лично руководил работой всех министерств и учреждений, которые принимали участие в освоении целины в Казахстане, Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. По его указанию шли на восток эшелоны с молодежью и переселенцами, направлялись десятки тысяч тракторов, сотни тысяч единиц другой сельскохозяйственной техники. Все предприятия страны выделяли для целины

автомашин и временных работников. По докладу Хрущева, февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС 1954 года принял специальное решение «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Согласно этому решению, предусматривалось освоить в 1954–1955 годах в восточных районах страны не менее 13 миллионов новых земель и получить с них в 1955 году около 20 миллионов тонн зерна. Хотя Брежнев и не пишет почти ничего о Хрущеве, последний наблюдал за положением дел на целине не только из своего московского кабинета. Его первая поездка в Казахстан состоялась уже в мае 1954 года, когда он в сопровождении Пономаренко и Брежнева побывал в колхозах и совхозах Кустанайской, Акмолинской и Карагандинской областей, уже начавших освоение целинных и залежных земель. Познакомился Хрущев и с работой угольной промышленности в Караганде. На совещаниях с работниками республики Хрущев, как видно из кратких отчетов местных газет, подверг резкой критике состояние зернового хозяйства, животноводства, а также систему хранения зерна.

П. К. Пономаренко, как Первый секретарь ЦК республики, принял на себя, естественно, руководство и ответственность за все дела, включая промышленность, старопахотные земли, контроль за громадной системой лагерей и ссылки. Большую часть времени Пономаренко проводил в Алма-Ате. Что касается Брежнева, то на него легла главная тяжесть руководства непосредственно в районах освоения целины. Никогда, ни в прежние годы, ни до конца своей жизни, он не работал так много, как в течение 15–16 месяцев – с весны 1954 года и до лета 1955 года. И действительно, республике предстояла большая работа: следовало не только распахать миллионы гектаров целины, но и создать здесь систему совхозов, обеспечив их кадрами и техникой. Нужно было построить десятки временных поселков, школ, больниц, ремонтных мастерских, хранилищ для зерна, провести дороги, обеспечить целинные районы энергией, топливом, пресной водой – всего не перечислить. И все это надо было делать сразу, и почти все приходилось начинать буквально на пустом месте.

Разные люди ехали на целину. По путевкам комсомола прибывали десятки тысяч комсомольцев. Партия направляла коммунистов-организаторов, и некоторые из председателей колхозов Кубани быстро становились на целине секретарями обкомов партии. Но тянулись на целину и эшелоны с недавними уголовниками; для тех, кто уже отбыл большую часть срока заключения и давал согласие работать на целине, была объявлена амнистия. Из других частей страны в северные области Казахстана переводили ссыльных немцев Поволжья, они стали, вероятно, одними из лучших работников целины, из них постепенно сложились главные кадры механизаторов в новых районах. Было организовано и переселенческое движение. Переселенцы прибывали на целину не в составе молодежных отрядов, а со своими семьями, имуществом; для них нужно было строить хорошие дома, создавать школы, детские сады и больницы, эти люди получали долгосрочные кредиты. Только из Молдавии в северные области Казахстана прибыло около 20 тысяч семей переселенцев.

Уже в 1954 году в Казахстане было распахано 8,5 миллиона гектаров целинных земель. Но распашка в большинстве случаев еще не сопровождалась посевами, которые проводились в первый год только на ограниченных площадях. Земли распахивались под посевы будущего года. К счастью для страны, после неурожайного 1953 года новый, 1954-й, был урожайным, и производство зерна в целом по стране увеличилось на 10 миллионов тонн, но главным образом за счет старопахотных земель. В 1955 году в Казахстане было распахано еще 9,5 миллиона гектаров целинных земель. При этом большинство распаханных земель было засеяно яровой пшеницей. Однако как раз на востоке страны 1955 год был засушливым, и почти все посевы яровой пшеницы в Казахстане погибли. Это было огромным разочарованием и для Хрущева, и для Брежнева.

В северном Казахстане зима, как правило, очень трудное время, тем более плохо переносили ее сотни тысяч целинников в необжитых еще поселках, в которых не было налажено снаб-

жение основными продуктами питания и другими товарами. Десятки тысяч людей, прибывших на целину на постоянное жительство, начали уезжать из Казахстана. Их можно было понять. Они приехали в незнакомый край, чтобы дать стране большой хлеб. Они трудились с огромным напряжением второй год, перенесли и жаркое лето 1954 года, и сильные морозы и ветры зимы 1954/55 года, впервые эти люди засеяли почти 20 миллионов гектаров новых земель. Но шла неделя за неделей, а дождей не было. Их не было в мае, не было в июне. Даже для людей воду доставляли издалека и с большим трудом. Некий анонимный литератор, составлявший «мемуары» Брежнева, пишет об этих днях так: «...с утра раскаленное солнце начинало свою опустошительную работу, медленно плыло в белесом, выцветшем небе, излучая нестерпимый зной, а к вечеру малиново-красное, тонуло в мутной дымке за горизонтом. И снова, почти не дав роздыха, вставало на следующий день, продолжая жечь все живое. И так неделя за неделей, месяц за месяцем... 1955 год называли “годом отчаяния” на целине...»³²

И все-таки работа продолжалась. Шло большое строительство. В новые совхозы завозили продовольствие, топливо, различные товары, чтобы подготовиться к новой зиме: В отдельных совхозах и районах удалось все же получить по 7–9 центнеров с гектара и собрать также урожай грубых кормов. Меньше пострадали немногочисленные еще поля кукурузы. Если судить по «мемуарам» Брежнева, то не только в ЦК КП Казахстана все были уверены в больших перспективах целины, но и в ЦК КПСС Брежнев всегда находил поддержку и помощь. Не называя никаких имен, Брежнев пишет: «Хочу сказать самые теплые слова в адрес членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, которые много сделали в те годы, чтобы как можно быстрее и успешнее были освоены целинные земли. Я всегда встречался и советовался с ними и всегда получал точные, конкретные ответы на поставленные вопросы, твердую партийную и добрую моральную поддержку»³³.

Согласно «мемуарам» Брежнева, только один из членов Президиума (Политбюро) не оказывал ему моральной поддержки и лишь подрывал твердую уверенность Брежнева в важности целины. Это был якобы Хрущев. «В тот бедственный год, – читаем мы в “мемуарах”, – нам, верившим до конца в успех, было порой трудно доказать свою правоту. Когда на одном из больших совещаний в присутствии Н. С. Хрущева я заявил, что целина еще себя покажет, он довольно круто оборвал: “Из ваших обещаний пирогов не напечешь!” Но я имел основания твердо возразить ему: “И все же мы верим: скоро, очень скоро и на целине будет большой хлеб”»³⁴.

Но кто же из членов Президиума поддерживал его, Брежнева, в 1955 году? Может быть, Маленков, Молотов или Каганович, которые и раньше выступали против целины, а теперь усилили свою критику экономической политики Хрущева. Ворошилов также с сомнением относился тогда к целине. Неудачи 1955 года осложнили положение Хрущева и усилили скрытую, но острую борьбу внутри партийно-государственного руководства. Поэтому можно понять отдельные вспышки раздражения Хрущева. Но именно Хрущев был в те трудные для Казахстана времена главной опорой Брежнева, человеком, у которого Брежнев в первую очередь находил «твердую партийную и добрую моральную поддержку».

В феврале 1955 года Маленков потерял свой пост Председателя Совета Министров СССР, хотя и остался членом Президиума. Ослабление Маленкова привело и к ослаблению позиций Пономаренко в Казахстане. Положение в республике осложнялось не только неудачами на целине. Еще в 1954 году начались волнения заключенных во многих лагерях, перерастая в ряде случаев в настоящие восстания. Все более напряженным становилось положение в местах проживания ингушей и чеченцев. Начались реабилитации партийных работников и

³² Брежнев Л. И. Целина. С. 147.

³³ Брежнев Л. И. Целина. С. 151.

³⁴ Брежнев Л. И. Целина. С. 154.

судебные процессы над отдельными группами сообщников Берии. Но нити многих преступлений, которые распутывались теперь в Прокуратуре СССР и в специальной комиссии ЦК КПСС, тянулись не только к Берии, но также к Сталину, к Маленкову и к таким из его прежних помощников, как Пономаренко.

Верный своему стилю, Брежнев не конфликтовал ни с Пономаренко, ни с бывшими руководителями Казахстана Шаяхметовым и Афоновым, которые остались работать в республике в качестве первых секретарей обкомов партии. Но для Хрущева присутствие Пономаренко в Президиуме ЦК КПСС, а стало быть, и во главе одной из самых крупных союзных республик стало нежелательно. 2–6 августа 1955 года состоялся пленум ЦК КП Казахстана, на котором был заслушан доклад Л. И. Брежнева о задачах партийной организации республики и рассмотрены организационные вопросы. П. К. Пономаренко был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК КП Казахстана «в связи с переходом на новую работу». Новым руководителем Компартии Казахстана был избран Л. И. Брежнев. Вторым секретарем ЦК стал И. Д. Яковлев.

Пономаренко был назначен советским послом в Варшаву, но ему трудно было сражаться с В. Гомулкой после столь памятного для Польши 1956 года. Вскоре Пантелеймон Кондратьевич перебирается в Дели как посол СССР в Индии. Потом он работал послом в Непале и Нидерландах. Только в 1962 году Пономаренко смог вернуться в Москву, но уже в качестве персонального пенсионера. Пономаренко пережил Брежнева, но его смерть в январе 1984 года прошла незамеченной, хотя под некрологом стояли подписи всех членов Политбюро.

Конечно, и после избрания Л. И. Брежнева Первым секретарем ЦК КП Казахстана главной его заботой оставалась целина. Распашка новых земель сократилась, но на уже распаханых 20 миллионах гектаров шла напряженная подготовка к посевным работам 1956 года. Пережить новую неудачу на целине и Брежневу, и тем более Хрущеву было бы очень трудно во всех смыслах.

Именно проблемы подъема и освоения целинных и залежных земель стояли в центре внимания VIII съезда КП Казахстана, состоявшегося в конце января 1956 года. На проходившем после съезда пленуме ЦК Брежнев вновь был избран партийным руководителем республики. В бюро ЦК КП Казахстана был избран также Динмухамед Ахмедович Кунаев, который стал в республике наиболее близким для Брежнева человеком и затем – до самой смерти Леонида Ильича – одним из его личных друзей.

Кунаев родился в 1912 году и после окончания школы решил стать инженером-металлургом, но не по черным металлам, как Брежнев, а по цветным, что было наиболее актуальной профессией для Казахстана. Кунаев окончил Московский институт цветных металлов и золота и затем за шесть лет прошел путь от машиниста и главного инженера рудника до начальника крупного рудоуправления. В годы войны 30-летний Кунаев был выдвинут на пост заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров (Совмина) Казахской ССР и проработал на этом посту 10 лет. Еще в 1946 году в Казахстане была организована Академия наук Казахской ССР, и Кунаев вскоре стал ее членом-корреспондентом. А в 1952 году его избрали не только действительным членом Казахской АН, но и ее президентом. В апреле 1955 года Кунаев был назначен председателем Совета Министров Казахской ССР. Вместе с Брежневым Кунаев возглавил в феврале 1956 года группу делегатов от Казахской ССР на XX съезде КПСС, который резко изменил не только политическую атмосферу в стране, партии и состав ЦК КПСС, но и личную судьбу некоторых партийных руководителей.

Брежнев выступал на четвертом заседании съезда как глава партийной организации Казахстана. Он говорил об успехах и проблемах промышленности республики, и в первую очередь о ее добывающей и металлургической отраслях, но главное внимание, как и следовало ожидать, он уделил проблемам сельского хозяйства и освоения целины. Цифры, которые приводил Брежнев, были действительно внушительны. Посевные площади в Казахстане возросли за три года почти в три раза и достигли 27 миллионов гектаров. При этом посевы пшеницы

должны были составить 18 миллионов гектаров, а кукурузы – 1,5 миллиона гектаров. Лишь мимоходом упомянув о сильной засухе 1955 года, Брежнев обещал довести производство зерна в республике до 1 миллиарда 400 миллионов пудов уже в 1956 году и затем увеличивать его по мере роста урожайности. Брежнев активно поддерживал все начинания ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущева, особо отметив «укрепление в стране государственной социалистической законности, которая была, как известно, ослаблена, а в некоторых звеньях подорвана врагами партии и народа»³⁵.

Целина действительно порадовала всю страну осенью 1956 года небывалым урожаем. Но Брежнев находился в это время уже не в Казахстане. На февральском Пленуме ЦК КПСС Брежнев был избран не только кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, но и одним из секретарей ЦК. Он остался в Москве, и его новые обязанности были уже мало связаны с проблемами сельского хозяйства. Президиум ЦК КПСС после XX съезда изменился незначительно, к прежнему составу добавились лишь две фамилии – А. И. Кириченко и М. А. Суслов. Изменения произошли и в Секретариате ЦК, где теперь рядом с Брежневым впервые появились Д. Т. Шепилов и Е. А. Фурцева.

В конце 1952 года Брежнев уже несколько месяцев был секретарем ЦК КПСС без четко очерченных обязанностей. Теперь он должен был контролировать как секретарь ЦК работу оборонной промышленности, развитие космонавтики, тяжелой промышленности, капитального строительства. Вскоре после XX съезда был создан специальный орган для руководства партийными организациями РСФСР – Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Это была новая партийная инстанция с неясно определенными функциями. Председателем Бюро стал сам Хрущев, но он почти никогда не только не председательствовал, но и не участвовал в его заседаниях. Эти заседания проходили под руководством заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которым с 1958 года был Брежнев, сохранивший при этом и свой пост секретаря ЦК.

Работая в Секретариате ЦК КПСС, Брежнев стал лучше понимать проблемы тяжелой промышленности и капитального строительства, он также расширил свои связи с советским военным руководством. Однако особенно много внимания Брежневу пришлось уделять развитию новой области в советской экономике, науке и технике, а затем и общественно-политической жизни – космонавтике, или, как потом говорили, аэрокосмическому комплексу.

Как и целина, космонавтика стала одним из главных пристрастий Хрущева. Конечно, возникновение космонавтики было связано с общим развитием ракетной техники, с необходимостью достижения паритета в вооружениях с Западом и безопасностью СССР. Однако уже после запуска в космос первого спутника оказалось, что достижения космонавтики поражают воображение людей во всем мире и служат необычайно важным средством пропаганды научно-технических возможностей страны. Раньше других это понял и оценил Н. С. Хрущев. Неудивительно поэтому, что он лично занимался всеми центральными и многими мелкими проблемами развития космонавтики и принимал сам все важные решения. Но Хрущев был главой государства и партии, и для повседневной работы в новой области ему нужен был верный и послушный помощник. Вполне естественно, что после целинной эпопеи выбор Хрущева пал на Л. И. Брежнева.

Бурные события 1956 года – демонстрации молодежи в Грузии, волнения рабочих в Польше, восстание в Будапеште, война за обладание Суэцким каналом между Англией, Францией и Израилем, с одной стороны, и Египтом – с другой, освобождение тысяч политических заключенных в Советском Союзе, конфликт с Югославией и другие – мало затронули внимание и время Брежнева, он даже не всегда участвовал в то и дело срочно созываемых Хрущевым заседаниях Президиума ЦК. Но Брежневу приходилось нередко заменять Хрущева при решении не только сложных проблем промышленности, но и уборки урожая на целине. С большим

³⁵ XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 214.

напряжением шли работы и по созданию нового поколения советских ракет, способных как запускать в космос мирные спутники, так и нести через моря и океаны ядерные заряды.

В своих «Воспоминаниях», рассказывая о развёртывании космонавтики, Брежнев упоминает о множестве людей и событий, но ни разу не называет даже имени Н. С. Хрущева. Создается впечатление, что по крайней мере в 1956–1960 годах все главные решения по линии ЦК КПСС в области космонавтики принимались в кремлевском кабинете Брежнева. Несомненно, Брежнев во многих отношениях помог в эти годы развитию космонавтики. Но не следует преувеличивать и его действительной роли, и его реального вклада.

Создание первых советских баллистических ракет началось, как известно, вскоре после войны, и первые запуски проводились еще в конце 40-х годов. Специальным конструкторским бюро уже тогда руководил С. П. Королев, а в Государственную комиссию входили министр вооружения СССР Д. Ф. Устинов, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев и генерал-полковник М. И. Неделин. Когда в феврале 1956 года Брежнев стал секретарем ЦК КПСС, в Южном Казахстане полным ходом шло строительство космодрома Байконур, возглавляемое генералом Г. М. Шубниковым. В это же время в армии создавались подразделения ракетных войск, производились первые единицы советских межконтинентальных ракет. Брежнев включился в эту работу, и, верный своему стилю, он не стал ничего перестраивать или менять, но старался помочь таким людям, как Королев, Шубников или Неделин. Правда, Брежнев никогда не брал на себя ответственность, когда надо было одобрить или отклонить тот или иной проект, и всегда в трудных ситуациях обращался к Хрущеву за помощью. Брежнев даже не бывал на запусках ракет, а только на показах новой техники; эти показы устраивались обычно для Хрущева, и на них присутствовали многие военные и гражданские руководители. Когда Королев привез в Кремль макет первого спутника и проводилось совещание о запуске, то в этом важном совещании участвовали Молотов, Устинов и другие, а Брежнева на нем не было. Поэтому трудно поверить в утверждение составителей книги «Космический Октябрь», что именно Брежнев после одного из успешных испытаний межконтинентальной ракеты принял предложенное Королевым решение – установить на следующем экземпляре ракеты простейший спутник – ПС. Правда, в этом очерке, под которым стоит фамилия Брежнева, говорится, что после беседы Королева и Брежнева было проведено обсуждение, в ходе которого эта идея была признана полезной. Но в «сочинении» Брежнева даже не упоминаются участники этого исторического обсуждения³⁶. Из этого же «сочинения» можно сделать вывод, что и все следующие запуски все более крупных и сложных спутников проводились после обсуждения тех или иных проблем двумя людьми – Брежневым и Королевым.

В 1957 году обстановка внутри Президиума ЦК КПСС обострилась, и все новые предложения Хрущева, и в первую очередь его предложения о реорганизации управления народным хозяйством, встречали сопротивление и критику. Постепенно противники Хрущева объединились и наконец бросили ему вызов на заседании Президиума ЦК КПСС, начавшемся 18 июня 1957 года. Среди членов Президиума Хрущев оказался в меньшинстве. Но почти все кандидаты в члены Президиума, и в том числе, конечно, Брежнев, твердо стояли на стороне Хрущева. Брежнев не привык к подобного рода грубым столкновениям, временами он казался растерянным, и, как рассказывают, после одной из грубых выходок Кагановича у Брежнева случился обморок. Но в итоге острого политического столкновения Хрущев одержал победу. Из Президиума ЦК КПСС были выведены В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Л. М. Каганович, а затем также М. З. Сабуров и М. Г. Первухин. В то же время численность Президиума ЦК была увеличена до 15 человек, и в его состав вошли почти все недавние кандидаты: Л. И. Брежнев, Е. А. Фурцева, Ф. Р. Козлов, Н. М. Шверник, Г. К. Жуков. Среди девяти кандидатов в члены Президиума появились имена А. Н. Косыгина, А. П. Кириленко и К. Т. Мазурова. Таким

³⁶ Брежнев Л. И. Космический Октябрь // Новый мир. 1983. № 1. С. 33.

образом и для этих людей июньский Пленум ЦК КПСС стал важным этапом их политической карьеры.

1958 и 1959 годы прошли для Брежнева в основном спокойно, и его восхваления в адрес Хрущева на внеочередном XXI съезде КПСС были искренними. В эти годы Брежнев несколько раз выезжал за границу, но главным образом на съезды коммунистических партий других стран. Влияние Брежнева увеличивалось, и вряд ли можно считать случайным, что как раз в 1956–1960 годах некоторые из его прежних близких соратников из Молдавии, Украины и Казахстана стали перебираться на работу в Москву.

Одним из первых начал работать в аппарате ЦК КПСС Г. Э. Цуканов. Он возглавил пока еще небольшой личный секретариат Брежнева, которому нужны были помощники для работы и в ЦК КПСС, и в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Цуканов стал с 1958 года главным личным помощником Брежнева и оставался таковым до его смерти. Еще раньше – в 1956 году – переехал из Кишинева в Москву К. У. Черненко. Непосредственно в аппарате Брежнева для Черненко не было подходящей должности, и он стал работать в одном из секторов Отдела пропаганды ЦК КПСС, а также в редакционной коллегии журнала «Агитатор». В качестве инструктора Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС стал работать и приехавший в Москву С. П. Трапезников. Разумеется, Брежнев нередко встречался и укреплял связи с теми из своих друзей, сокурсников, сотрудников, товарищей военной поры, которые уже раньше работали в Москве в самых различных учреждениях. Я имею в виду таких людей, как генерал Г. К. Цинев, который с 1954 года работал в КГБ; как Н. А. Тихонов, который еще в 1950 году стал начальником одного из управлений в Министерстве черной металлургии, а в 1957 году возглавил Днепропетровский совнархоз. На ответственных постах в Москве продолжали работать и такие друзья Брежнева, как К. С. Грушевой и П. Н. Алферов. Брежнев любил приглашать всех этих людей по разным поводам в свою большую квартиру в доме № 26 на Кутузовском проспекте.

После июньского Пленума ЦК КПСС Хрущев сконцентрировал в своих руках почти неограниченную власть. Он был не только Первым секретарем ЦК КПСС. С весны 1958 года Хрущев занял также пост Председателя Совета Министров СССР. Однако при всей покорности К. Е. Ворошилова Хрущева раздражало, что этот недавний активный участник «антипартийной группы» продолжал оставаться Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В мае 1960 года было решено торжественно проводить Ворошилова на пенсию. На его место Хрущев предложил избрать 53-летнего Л. И. Брежнева.

В западных биографиях и аналитических статьях эта важная перемена в политической карьере Брежнева рассматривается обычно как «понижение», «первое падение», «ослабление позиций в составе власти» и т. п. Я думаю, что для таких оценок нет никаких оснований. Хотя Председатель Президиума Верховного Совета СССР являлся в то время не фактическим, а формальным главой Советского государства, он мог обладать немалым влиянием в стране. Во всяком случае, и для Шверника в 1946 году, и для Ворошилова в 1953 году, да и для «все-союзного старосты» Калинина назначение на этот пост было явным повышением. Не было новое назначение понижением или падением и для Брежнева. И он сам, и его ближайшие друзья всегда рассматривали это назначение как новый важный шаг вперед в его политической карьере. Следует иметь в виду, что Президиум ЦК КПСС, как он сложился в 1957–1960 годах при Хрущеве, не имел ни устойчивой структуры, ни устойчивого состава. В ближайшем окружении Хрущева постоянно происходили передвижения и перемещения, никто не мог долгое время считаться его первым заместителем или, как это было принято говорить в западной литературе, его «кронпринцем». Рассматривать эти перемещения как борьбу групп Ф. Козлова и Л. Брежнева или как борьбу «ленинградских», «уральских» и «украинских» групп также было бы упрощением. Хотя отдельные группировки по земляческому принципу и существовали в высших органах власти, Хрущев не позволял им упрочиться, постоянно перераспределяя и передвигая работников высшего аппарата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.